

Татьяна Устименко

Звезда моей судьбы

Когда на руках все карты, жизнь бросает кости...

Татьяна Устименко
Звезда моей судьбы
Серия «Звезда Блентайра», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524665
Звезда моей судьбы: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1155-9

Аннотация

Если тебя предал родной отец, бросил любимый, а судьба совершила непредсказуемый поворот, то не думай, что жизнь закончилась. Йоне – наследнице трех эльфийских кланов – некогда предаваться унынию. Ее главные испытания еще впереди, ведь на карту поставлено будущее всей страны. Теперь все зависит от нее. И самые опасные враги, встречающиеся на пути молодой чародейки, – это отнюдь не маги и чудовища, а судьба, смерть и любовь, с которыми Йоне тоже предстоит сразиться. Но ведь любовь всегда оправдывает ожидание. А смерть... Разве смерть не стоит того, чтобы жить?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	49
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Татьяна Устименко

Звезда моей судьбы

В каждом человеке спит неразбуженная звезда. А в некоторых она еще и похрапывает...

Неизвестный мудрец

Пролог

В королевстве Лаганахар вряд ли найдется второе столь же прекрасное место, как Белые горы. Пушистый снег, покрывающий крутые склоны, не тает круглый год, оттого горы и получили свое поэтическое название. Не всякая птица сумеет долететь до недоступных вершин, а если и долетит, то едва ли отважится свить здесь гнездо, устранившись от лютого мороза, единолично властвующего над безжизненными снежными просторами. И даже дерзкие хищники орланы тут же торопливо поворачивают прочь, едва их зоркий глаз различит белеющие вдалеке острые пики, украшенные роскошными ледяными шапками.

Здесь нет ничего: ни деревца, ни травинки. Здесь не встретишь ни одного живого существа, а мягкое снежное покрывало никогда не пятнают цепочки следов. И только холодный северный ветер свирепо завывает в расщелинах между скал, неся с собой безразличие, одиночество и забвение. Нет такого храбреца, который рискнул бы ступить на тропу, ведущую к Белым горам, а коли такой безумец объявится, его уделом станут мучения и неизбежная лютая смерть. И если случай или обстоятельства когда-нибудь заведут тебя в Белые горы, то не шути с судьбой – выбирай другую дорогу, обходи эти опасные места стороной. Хотя ни для кого не секрет, что частенько мы выбираем дорогу, которая, казалось бы, должна увести нас от судьбы, а в итоге именно к ней и приводит.

Однако сегодня в Белых горах произошло невиданное... Замерев в величественном удивлении, высоченные каменные пики недоуменно взирали на две тощие фигуры, бесшумно скользящие по хрусткому насту. Горы даже позабыли об издевательском эхе, должном сопровождать каждый шаг наглых пришельцев, и потрясенно молчали, не издавая ни звука. Сегодня на неприступных склонах творилось нечто невероятное, полностью нарушившее порядок, остававшийся незабываемым со времен Неназываемых...

Но двум темным фигурам, пробирающимся по замеченной снегом тропе, не было никакого дела ни до нарушенного ими мирового равновесия, ни до печальных воспоминаний, смутивших многовековую память Белых гор. Ловко цепляясь за камни, они, наклонив угловатые головы, упрямо продвигались вперед, ведомые первобытным инстинктом, способным побороть холод, страх и даже саму смерть.

Внезапно одна из фигур оторвала взгляд от земли и принялась всматриваться в растилающуюся вокруг снежную пустыню. Край кожистой складки, прикрывающей голову и издав далеко сильно смахивающей на капюшон дорожного плаща, чуть сдвинулся, открыв узкую, вытянутую морду животного, оканчивающуюся зубастой пастью. В темных глазах клубился хаос, отражающий злобную жажду крови. Эта жажда и вела вперед двух гхалий, древних тварей, поднятых из каменных гробов, хранящихся в недрах храма Песка.

Гхалия, идущая первой, вздернула к небу уродливую морду и протяжно завывала, выводя рулады охотничьей песни. Почуяла добычу... Ноздри острого носа затрепетали. Тварь перешла на рысь, уверенно следуя выбранному пути. Вторая гхалия не отставала от товарки, столь же неутомимо приминая твердый наст. Когтистые шестипалые лапы не скользили по льду и не проваливались в глубокий снег; поджарые тела не ведали усталости, а полумаги-

ческая сущность не испытывала потребности в отдыхе и сне. Им требовалась только пища – особенная, свежая, горячая. Тощие тела гхалий покрывала крепкая чешуя, пробить которую не способны ни дерево, ни железо. Складки естественного кожного покрова защищали охотниц Тьмы от любой непогоды. Они не нуждались в оружии, ибо огромными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями они могли наносить противнику страшные смертельные раны. Гхалии отлично видели в темноте. Они не горели в огне и не тонули в воде. Они не знали жалости. Может, у них и были уязвимые места, но об этом не ведал никто. Никто?.. Но разве так бывает?..

Гхалии никогда не задавались вопросом, куда и зачем они идут. Они интуитивно ощущали то главное, что вело их вперед: нечто притягательное и зовущее, заставляющее делать следующий шаг. Все остальное было для них неважно. А источником этого властного зова служила тонкая прядка черных, длинных, красиво вьющихся волос, зажатых в лапе первой гхалии. Этот локон еще не утратил нежнейшего лавандового аромата и, очевидно, когда-то принадлежал молодой девушке. От прикосновения к этим волосам у гхалий еще сильнее темнели и без того черные глаза, а из клыкастых пастей начинала сочиться голодная слюна, вызванная образом желанной жертвы, который немедленно возникал в мозгу. Невысокая худенькая девушка с чуть заостренным подбородком и сиреневыми глазами в золотистую крапинку. Да, ее кровь должна быть сладкой, очень сладкой...

Охотница Тьмы собственнически погладила прядь черных волос. Кадык тяжело дернулся, и гхалия ускорила шаг, ведомая голодом. «Найди Наследницу и убей ее!» – непрерывно бились в мозгу слова змееликой богини Банрах. И гхалия понимала, что продолжит бежать вопреки всему и не сможет остановиться до тех пор, пока не настигнет добычу и не исполнит предначертанное...

Часть первая Наследница

Глава 1

– Да тебя даже послать некуда! – разочарованно сообщила Ребекка, спихивая ладонь Беонира, фривольно улегшуюся на ягодицу. – Ты и так уже везде побывал!

– Ага! – радостно подтвердил юноша, ничуть не смутившись, и начал последовательно перечислять, загибая пальцы: – На Зачарованном берегу, в Черных холмах, на Лиднейском болоте, в степи, в Пустоши... Йона! – позвал он, отвлекая меня от возни с малышкой мантикорой. – А куда мы движемся теперь?

– Куда? – Я рассеянно подняла голову, стараясь не уронить кусочки вяленого мяса, которыми кормила прожорливую, как гусеница, Мифрил. – В долину Дурбан. Куда же еще?

– Зачем? – Ниуэ неприязненно передернул плечами, опасливо косясь на воительницу, которая, ехидно ухмыляясь, делала движения пальцами, словно пересчитывала возвращенный ей долг. Правда, пока еще не супружеский...

– Искать последних драконов, – терпеливо вздохнула я. – Мне нужно пламя дракона.

– Ага! – злорадно потеряла ладони Ребекка. – И я от убитого в мою честь дракончика не откажусь. Драконьи зубки – на ожерелье, шкуру – на сапожки...

– И от убитого в твою честь жениха ты тоже не откажешься? – невинным голоском осведомился Беонир, задумчиво ковыряя щечкой в зубах. – На ожерелье, на сапожки...

– А как же обещанный подвиг? – подначивающе улыбнулась я.

Несчастный влюбленный крепко стиснул челюсти. Щечка сломалась.

– Между прочим, тебя, любимый, никто за язык не тянул! – язвительно промурлыкала вредная невеста. – Подвиг может совершить и безумец, а вот на настоящие героические поступки способен только влюбленный!

– Или дурак! – буркнул Беонир, но воительница его услышала.

– Влюбленный дурак! – метко уточнила она. – Коего и имеем в действительности.

Ниуэ сердито фыркнул, но ничего не сказал, решив не продолжать их бесконечный спор. Уж ему-то давно известно: в принципе женщина могла бы и промолчать... Да вот беда – нет у Ребекки такого принципа!

Я довольно улыбнулась, продолжая кормить кусочками вяленого мяса Мифрил, доверчиво разлегшуюся у меня на коленях. Авось эти двое то ли влюбленных врагов, то ли враждующих влюбленных однажды найдут общий язык, помирятся и обретут счастье. Ведь иногда шаг навстречу близкому человеку становится самым долгим путем в нашей жизни. А нам этих шагов, причем всяких-разных, предстоит сделать ой как немало...

Глубоко вздохнув, я подхватила на руки заметно потяжелевшую за последнюю неделю мантикору и поднялась на ноги, без слов сигнализируя: «Привал закончен, пора снова выступать в путь». С появлением Мифрил в нашем отряде прибавилось как веселья, так и хлопот. Самой насущной проблемой оказалась конечно же нехватка пищи. Запасы таяли не по дням, а по часам – отчасти благодаря нам самим, но в основном по причине растущего аппетита моей подопечной. Впрочем, в этом не было ее вины – ведь малышка росла и нуждалась в еде. Мифрил охотно поглощала все, что ей давали. Ее когтистые кошачьи лапки наливались силой, но пока еще не поспевали за размашистым шагом Беонира или ловкими прыжками Ребекки. Поэтому большую часть времени Мифрил спокойно сидела у меня на руках,

забавно вертя головенкой и восторженным клекотом приветствуя каждую новую достопримечательность, встречающуюся на нашем пути. А полюбоваться и правда было на что.

Пару дней назад наша дорога пролежала через рощу с кленами и ясенями. Печально раскачивая на ветру ветвями и сбрасывая первые пожелтевшие листья, деревья предупреждали путников о приближении осени. Небо меняло цвет, нехотя сдавая позиции: фиолетовый фон выцвел до бледно-лилового, мелькали красные всполохи. Облака нависали все ниже, близился сезон дождей. Осень настойчиво стучалась в двери, требуя выпустить ее в мир. «Смиритесь с моим приходом! – словно взывала она. – А иначе я войду без приглашения...» Но, поглядывая по сторонам, я ничуть не возмущалась настойчивостью природы: подобно ей, я тоже ощущала себя незваным гостем, нахально пробирающимся в чужой дом. Сегодня мы оставили за спиной желто-красные рощи и вступили в узкую, усыпанную каменными обломками долину. Интересно, нас здесь ждут?..

– Это осколки мрамора! – сообщил ниуэ, с любопытством повертев в руке подобранный с земли камень.

– Знаменитый дурбанский, – согласно кивнула воительница, наклоняясь и выбирая осколок покрасивее. – Пожалуй, возьму на память.

Я равнодушно пожала плечами. Сейчас меня мало волновали окружающие красоты: голод и страх неустанно терзали тело и душу. Надвигалось очередное полноуние¹, и вся фигура шедшего впереди Беонира выдавала его нервное состояние и плохо скрываемое беспокойство. Ребекка бодрилась, изредка подзадоривая то своего мрачного жениха, то задумчивую меня. А я еще плотнее прижимала к себе теплую, пушистую Мифрил и надеялась, что хотя бы мантикора не страдает от голода так же сильно, как мои спутники. Видят Неназываемые, я делала для них троих все что могла...

Поздним вечером этого же дня мы сидели возле весело потрескивающего костра и вполголоса спорили, решая, что делать дальше.

– Я, конечно, не охотница, но кое-что умею... – без особого воодушевления заявила Ребекка.

– Кое-что? – передразнил Беонир. – А как же твоя хваленая военная подготовка? Ты нам о ней все уши прожужжала.

– Когда у женщины точно такие же сапоги, как у ее спутника, то это не мода – это ночной дозор Блентайра, – хихикнула воительница. – И учти, там мы ловили не жратву, а преступников.

– Так ловили же, – не отставал ниуэ. – Не вижу разницы.

– Разница состоит в том, что одна дает, а другая – дразнится! – огрызнулась его любимая язва, вгоняя юношу в краску. – Плохо, что у меня в арсенале только акинаки, даже лука нет, ведь Беонир потерял его во время бегства из храма Песка...

Юноша виновато шмыгнул носом, но лайил и ухом не повела, игнорируя его робкую попытку извиниться.

– Да и леса-то настоящего уже не видать – не за тушканчиками же мне гоняться с мечом? – невозмутимо продолжила она.

– А с чем за ними гоняются? – невпопад поинтересовалась я, мысленно рисуя себе картинку жирной тушки, нанизанной на прут и аппетитно подрумянивающейся над костром. Голодная слюна непроизвольно наполнила рот, и я шумно слотнула.

– С силками, сплетенными из конского волоса, – компетентно пояснила воительница. – Но поскольку коня у нас нет, а есть только блохастый мерин, – она ехидно покосилась на ниуэ, – значит, наше «есть» приравняется к «сдохнуть от голода»! – Воительница задиристо расхохоталась, чрезвычайно довольная этим свежее испеченным каламбуром.

¹ Фаза Уны, при которой она находится в противоположном от Сола направлении и видна с Земли как полный диск.

– Держи, мне не жалко! – Юноша вмиг собрал в пригоршню свои длинные волосы и отхватил их ножом, а затем бросил отрезанные пряди на колени оторопевшей Ребекке. – Лови тушканчиков!

– Не получится, – смущенно промямлила девушка, растерянно перебирая светлые локоны. – Они у тебя слишком гладкие... Были... – с сожалением уточнила она. – Зря прическу испортил!

– Значит, тушканчики отменяются, – прервал ее Беонир. – Хотя еды у нас осталось от силы дня на три. К тому же завтра – полноуние...

– Может, здесь поблизости найдется какая-нибудь деревня? – неуверенно спросила я, заботливо баюкая завернутую в мой плащ сладко спящую мантикору.

– Вряд ли. Я уже просмотрел все карты, в округе ни одного населенного пункта. Да и сама посуди – ну кому охота селиться на отрогах Белых гор, в холоде, да еще рискуя быть погребенным лавиной?

– Конечно, ты прав, – грустно признала я.

– Послушайте, ваши унылые физиономии напоминают мне прокисшую брагу! – Ребекка гневно сверкнула глазами и повысила голос: – Еще немного – и вы похороните себя заживо, клянусь моими мечами! Начнем с того, что сейчас осень, а значит, полно ягод и всяких плодов. Как-нибудь перебьемся!

Мифрил, потревоженная громкими звуками, встрепенулась и беспокойно завертела головой, высунув ее из складок теплой ткани. Я с нежностью посмотрела на свою питомицу. За последние дни между нами установилась прочная ментальная связь, которая, полагаю, неразрывно соединила нас на всю оставшуюся жизнь. Я могла бы поклясться, что без слов понимаю ее мысли и просьбы, предугадываю желания и потребности, но не знала, благодаря чему это происходит. Возможно, причиной тому стал чудесный медальон «Ловец ветра» или же моя интуиция, резко обострившаяся благодаря перенесенным испытаниям. К счастью, наша с Мифрил симпатия оказалась взаимной. Вообще, мантикора обладала довольно ершистым характером и по-разному относилась к каждому члену нашего небольшого отряда. Эта крылатая кроха весьма недолго любила язвительную лайил. Ребекка в шутку говорила, что Мифрил, находясь в яйце, слышала, как она насмешничает над ней, и теперь мстит. Мантикора так и норовила подобраться поближе к лайил и поддеть клювом. Реакция у воительницы была отменная, и поэтому мантикоре никак не удавалось застать ее врасплох. Ребекка тоже не оставалась в долгу: легонько дергала Мифрил за хвост или демонстративно щелкала ее по голове костяшками пальцев. Их игривое противостояние забавляло нас с Беониром.

Кстати, с самим ниуэ все обстояло совсем по-другому. Мифрил прониклась уважением к юноше, и это чувство было взаимным. Беонир относился к мантикоре чрезвычайно серьезно, тем самым признавая за малышкой право на самостоятельность. Мантикора никогда не заигрывала с ниуэ, но если тот изучал карты, найденные нами в разрушенном городе Ил-Кардинен, она непременно усаживалась рядом и, устроив голову на сгибе его руки, разглядывала свитки. Ребекка иронично фыркала, а я лишь улыбалась. Беонир не прогонял прилипчивую мантикору – наоборот, всем видом давал понять, что рад ее присутствию. Они стали настоящими друзьями, безоговорочно признавшими личные достоинства друг друга. Что же касается недостатков – так у кого их нет?

Без ложной скромности могу заявить, что меня Мифрил обожала. Я охотно играла с ней во время стоянок, делилась изрядной долей своего пайка и искренне радовалась, что малышка быстро растет. Напустив на себя вид всезнайки, Беонир излагал подробности анатомического устройства мантикор, ссылаясь на книги, прочитанные в подземельях Блен-тайра. Он сообщил, что манतिकоры достигают размеров взрослого животного, а потом растут мало и в основном вширь. Ну и век их, понятное дело, много дольше человеческого. Но в обширных знаниях ниуэ зияли пробелы: в породах мантикор юноша, к сожалению, разби-

рался плохо. К счастью, он знал главное: в древние времена эльфы из Полночного клана скрестили обычных мантикор с грифонами, выведя особый боевой подвид. Такие летуны отличались огромными размерами, а вместо уродливой морды, являющейся пародией на человеческое лицо, имели гордые орлиные головы с внушительными клювами.

Эти животные считались вымирающим видом. На территории Лаганахара действовал особый закон, строго-настрого запрещающий убивать мантикор. Время от времени для поиска их гнезд снаряжались специальные экспедиции. Но ни одна из экспедиций не могла похвастаться положительным результатом: никаких гнезд так и не обнаружилось. Логова мантикор называли «гнездами» только потому, что эти существа умели летать. На самом деле обитали они в горных пещерах, на труднопроходимых холмах и скальных грядках. Впрочем, все эти сведения – всего лишь наши домыслы, основывающиеся на старинных сказках и легендах. Сами мантикоры давно канули в небытие, исчезли вместе с эльфами, покинувшими Блентайр.

Я рассказала Беониру о мозаике с мантикорами, которую увидела в Немеркнушем Куполе. Ниуэ призадумался: согласно легендам, эльфы из клана Повелителей мантикор передвигались именно на черных летунах, а никак не на белых...

– Они обладали огромными размерами, были покрыты черным оперением и летали совершенно бесшумно! – мечтательно закрыв глаза, сообщил он. – Поэтому их еще называли тенями...

Да, но моя-то Мифрил белая! Ослепительно-белая, как снег в горах, как небесная посланница Неназываемых! В рассветных лучах Сола ее перышки отливают перламутром, а умные золотистые глаза блестят, словно драгоценные камни из ожерелья эльфийской королевы. Нет, названия такой породы Беонир не знал.

Я вырвалась из плена своих мыслей, улыбнулась вдохновенной речи Беонира и широко зевнула:

– Давайте сначала переживем полноуние, а затем отправимся по грибы и ягоды, хорошо? А то так спать хочется-а-а-а...

Полноуние неминуемо приближалось, и весь следующий день мы посвятили поискам подходящего дерева, способного выдержать натиск посаженного на цепь ниуэ. Эту железную привязь Ребекка умудрилась не потерять даже в храме Песка: вынесла ее в своем заплечном мешке. Определенно за сохранность наших жизней воительница переживала куда больше, чем за сытость желудка. А сей факт наводил меня на некоторые размышления, впрочем, требующие дальнейшего подтверждения. К сожалению, тонкие и редкие осины, нечасто встречающиеся в округе, решительно не устраивали Беонира, так что лайил в конце концов не преминула поддеть нашего подопытного:

– Хей, лохматый, да ты, никак, теперь в пещерного дракона превращаешься вместо пса. Не дрейфь, мы тебя пристегнем сразу к трем деревьям для надежности.

– Не смешно. – Печальный взгляд юноши вынудил болтунью прикусить язык. – Я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности.

– Ладно, не злись, – примирительно буркнула девушка и подошла к высокому, мощному островязу, затесавшемуся среди стройных молодых осин. – Вот гляди, что я для тебя нашла. В самый раз.

Несчастный ниуэ даже не пытался уговорить нас устроиться на ночлег. Он знал, что его скорбный вой разбудит всю округу, а такое пробуждение не несет ничего приятного. Мы с Ребеккой уселись на расстеленный плащ, устроившись спиной к спине. Воительница выторговала себе право сидеть, повернувшись к Беониру лицом. Ребекка по своей всегдашней привычке использовала это как очередную возможность высмеять Беонира, но я понимала, что в действительности она хочет поддержать своего возлюбленного.

Итак, неминуемое приближалось. Черное ночное небо выглядело отвратительно, обложенное плотными облаками, словно лентой – подушками. Бледная Уна нехотя выглядывала из-за туч. Было ощущение, будто сама судьба подсматривает за нами одним глазом. Наверное, ей тоже хотелось узнать, чем закончатся неприятности, преследующие нас с завидной настойчивостью. Я сердито хмыкнула, мысленно показывая своей вечной сопернице увесистую дулю, сложенную из не слишком чистых пальцев. «А вот попробуй-ка прожевать такое угощение! – мысленно предложила я. – И имей в виду, дорогая, мы и в этот раз выкрутимся назло тебе!» Как это ни парадоксально, но вопреки всем бедам и в пику здравому смыслу я опять не желала верить в плохое, а надеялась только на лучшее!..

Ближе к середине ночи вой Беонира стал таким горестным, что разбудил даже Мифрил. Крошка мантикора проснулась и возмущенно зашипела. Мы с Ребеккой удивленно наблюдали за тем, как она, уже довольно твердо держась на лапках, поднялась со своего места, протопала вперед и встала точно между нами и скрючившимся на цепи ниуэ.

– Ишь ты, фу-ты ну-ты как она выпендрилась! – недоверчиво выдохнула лайил, пока я брала Мифрил на колени и успокаивала. – Защитница, однако, растет! Поверь мне на слово, когда-нибудь она здорово тебе поможет.

– Сегодня ночью нам придется туго, и Мифрил это чувствует, – печально предположила я.

Лайил озадаченно почесала в затылке:

– Зато я – нет! Йона, ну-ка, взгляни на нашего героя.

Я подняла глаза на Беонира, прикованного к островязу, и изумленно ахнула...

Джайлз подобрал небольшую горбушку черного хлеба, заброшенную в оконце, приоткрывшееся на двери их камеры, и произнес дрожащим голосом:

– Это все, что досталось нам сегодня. А вода закончилась еще вчера. – Он провел пальцем по дну измятой жестяной миски, одной на двоих.

Узел лохмотьев в углу пошевелился, испустил громкий зевок и развернулся, превратившись в высокого худого мужчину с пронзительным взором темных, умных, глубоко посаженных глаз.

– Нам не привыкать, – сказал он. – Ты, главное, спи побольше, чародей. Сон экономит силы и перебивает голод.

– Что-то незаметно, – скептически хмыкнул молодой маг, протягивая краюшку Беодару. – Мой желудок с тобой категорически несогласен.

– Управляй своими чувствами и не позволяй им управлять тобой. – Бывший воин поровну разделил горбушку. Оценивающе посмотрел на Джайлза, горестно баюкающего культию правой руки, на его серую кожу, туго обтягивающую челюсти, на ввалившиеся щеки. Разломив свою долю еще пополам, отдал другу часть порции, командным жестом пресекая слабые возражения: – Ешь! Ты молод и не привык к лишениям.

Джайлз благодарно кивнул, медленно жуя смешанный со слезами хлеб и наслаждаясь каждой крошкой. Теперь эти грубые корки – подгорелые, испеченные из ржаной трухи, казались ему слаще самого изысканного яства. Он уже не стыдился ни своих слез, ни седых прядей, появившихся в рыжих волосах, ни однорукой неловкости. Когда-то он считал себя сильным и наслаждался магическими способностями, бравируя задором и дерзостью, упиваясь преклонением горожан. Он важничал, изображая из себя того, кем еще не стал. Сегодня же он понимал: действительно сильные мужчины не боятся проявления искренних чувств. Фальшь же отнюдь не является признаком силы. Жаль, что прозрение пришло к нему слишком поздно. Джайлз чувствовал, что умирает, ничего не достигнув в жизни. Не приласкал любимую женщину, не вырастил детей... Он проиграл и, признав свое поражение, готовился

сдаться. Видят Неназываемые, пытка, придуманная съеррой Клариссой, оказалась для молодого чародея слишком тяжелой. Он не вынес испытания забвением и впал в отчаяние.

– Не носи в себе это, – спокойно посоветовал Беодар. Все это время он внимательно наблюдал за магом. – Хуже будет. Ты скорбишь об утраченной подруге?

Джайлз утвердительно кивнул. Ниуэ назидательно изрек:

– Женщины не любят, когда мужики забиваются в угол и молча страдают. Пьют, жрут всякую дрянь, с ума сходят... Женщины не уважают страдальцев. Страдальцу можно сочувствовать, можно его жалеть, можно ему помогать – но уважать нельзя. Женщина хочет иметь счастливое потомство от счастливого мужчины. А если мужик страдает, значит, и дети его будут страдать. Страдальцы никому не нужны. Будешь страдать – твоя девушка никогда к тебе не вернется.

– А она и так не вернется! – Чародей жалобно шмыгнул носом и вытер рукавом мокрые щеки. – Ее отправили на поиски испытаний и... – Он замолчал.

– И она их не прошла, – догадался Беодар.

– Я ее потерял, – мрачно подытожил чародей.

– Глупости! – рассмеялся ниуэ, посасывая кусочек хлеба. – Пока мы живы, ничего не потеряно. Надо верить в лучшее!

– Ты предлагаешь мне тешить себя иллюзиями? – ужаснулся маг. – Пробуждаешь в моем сердце детскую веру в чудеса? Но зачем?

Беодар поднялся с пола и прошелся по камере, с удовольствием разминая затекшие от долгого лежания ноги и руки. Джайлз уважительно наблюдал за его упражнениями, в который раз пораженный телом ниуэ – сухощавым, поджарым, но крепким и жилистым. И не менее удивительным были потрясающее жизнелюбие этого загадочного узника, его стремление выстоять наперекор беде, а также уверенность в том, что спасение придет рано или поздно. «Вот только бы оно не пришло слишком поздно!» – подумал Джайлз.

– Надеяться на счастье нужно, – между тем убежденно продолжил ниуэ. – Но не вздумай его дожидаться, иначе вспугнешь. – Он задорно рассмеялся. – Просто иди к нему навстречу, и тогда оно поверит в тебя столь же сильно, насколько ты сам веришь в него!

– Глупости, – строптиво буркнул чародей, невольно повторяя реплику друга и пряча лицо в обрывки своего некогда роскошного плаща. – Зря ты меня утешаешь. Мы обречены на смерть, мир от нас отвернулся...

– Интересная позиция, – насмешливо протянул воин. – Сделай милость, объясни, отчего это происходит? Ты – молодой, сильный, умный – решил сдаться и не хочешь изменить мир?

– Я его менял, – протестующе крикнул юноша. – Менял как умел и пока мог. Каждый день. Я работал. Я учился. Я любил своих друзей и свою девушку. Если я вижу, что кто-то ведет себя неправильно, я подхожу и даю ему по шее. Это мой способ изменить мир. Я не как вы, я не сражался на поле битвы... Я не такой умный, как хотелось бы. Я не могу придумать что-то гениальное. Я не управлял народами и не восставал против зла. Зато в моем присутствии никто не может обидеть слабого. Ударить женщину. Толкнуть старика. Обмануть наивного. Растлить ребенка. Так я меняю мир.

– Знаешь, а ведь ты добился впечатляющих результатов, – серьезно произнес ниуэ, беря Джайлза за подбородок и заставляя посмотреть себе в глаза. – Прошу, потерпи еще чуть-чуть, подожди немного – и уверяю, тебе представится шанс сделать для нашего мира гораздо больше!

– Когда? – всхлипнул чародей, просительно вцепившись в пальцы старшего товарища по несчастью. – Доживем ли мы до этого времени?

– Доживем, – уверенно ответил Беодар. – Нужно лишь подождать.

– Кажется, мы с тобой поменялись ролями, – слабо улыбнулся маг. – Нынче ты убеждаешь меня, что еще не все потеряно.

– А как иначе? – удивленно откликнулся ниуэ. – Люди на то и люди, чтобы поддержать друг друга в момент слабости, не бросить в момент радости и не добивать в час горести. Люди умеют верить, любить и ждать.

– В ожидании крепчает характер, слабеет надежда и умирает любовь, – пессимистично заявил Джайлз, но его чуточку повеселевший голос указывал на то, что Беодару все-таки удалось немного развеять отчаяние, овладевшее молодым магом. – Да и существует ли она, эта вечная истинная любовь?

– Не смей сомневаться в себе! – отчеканил ниуэ, решительно сжимая кулаки. – Запомни мои слова, мальчик. Тот, кто хоть однажды ощутил себя человеком, уже никогда не превратится в слабую, дрожащую тварь. А любовь... Как может умереть то, на чем держится мир? Чудо любви возможно в полной мере постичь лишь тогда, когда мы к нему готовы. Каждый день любовь посылает нам возможность изменить обстоятельства, что делают нас несчастными. И каждый день мы пытаемся притвориться, будто не замечаем этой возможности, будто ее не существует вовсе... Но тот, кто пристально всмотрится в свою жизнь, обязательно найдет этот волшебный миг. И такой миг настанет – день, когда сила звезд и небес проникнет в нас и позволит творить чудеса. Иногда счастье приходит как ниспосланная свыше благодать, но чаще всего это наша личная победа. Волшебный миг уверенности в себе помогает преобразиться и заставляет отправиться на поиски своей мечты. На этом пути нас ждут горести, страдания и лишения, но нужно двигаться вперед, ведь все плохое тоже когда-нибудь заканчивается. А потом мы сможем бросить взгляд назад, гордые тем, что не сломались, сохранили веру в любовь. Несчастен тот, кто боится рисковать, кто не верит в настоящую любовь. Вероятно, такие люди не познали разочарований, их иллюзии не рассыпались в прах. Такие люди не страдают и не умеют плакать в отличие от тех, кто стремится обратить мечту в реальность... Полно, да люди ли они вообще? У этих неудачников есть лишь один выход: заставить себя научиться отдавать, а не только брать. Если они это сделают, то даже капли дождя, падающие на их щеки, обретут другой вкус. Любовь – это сплошные капканы. Заманивая нас в свои сети, она показывает лишь свет, а порождаемые им тени скрывает и прячет. Но тот, кто не будет страшиться тени и не убоится расставленных на пути ловушек, обретет истинную любовь и уже никогда ее не потеряет! Верь в это, обязательно верь...

– Ой, что это с ним? – спросила я, вытаращенными от изумления глазами рассматривая Беонира.

– Ничего, – задумчиво процедила Ребекка, рукоятью меча почесывая свою взъерошенную макушку. – В том-то и дело!

Я переложила на плащ успокоившуюся Мифрил, встала и, передвигаясь мелкими шажками, осторожно приблизилась к несчастному ниуэ.

– Как себя чувствуешь? – дрожащим от волнения голосом осведомилась я, ожидая самого невероятного ответа. – Тебе плохо?

– Да хорошо ему, хорошо! – радостно гоготнула лайил у меня за спиной. – Подтверди, лохматый, не фиг нам нервы зазря мотать.

Беонир утвердительно кивнул, взирая на меня не менее вытаращенными глазами. Я растерянно прикусила нижнюю губу, силясь отыскать адекватное объяснение происходящему.

Нынешней ночью, в полноуние, с Беониром ничего не приключилось. Понимаете? Ничего-го-шень-ки! Его не постигла трансформация. Он остался прежним, сохранив безупречно человеческий вид. А выли ниуэ исключительно от испуга, панически страшась того, что снова

окажется способен нас растерзать. И сейчас выяснилось, что наши опасения были напрасными.

Я присела на корточки возле неподвижно лежащего на земле Беонира, секундочку подумала, а затем протянула руку и расстегнула прикрепленный к цепи ошейник, затянутый на шее юноши.

– Ай, а вдруг... – запоздало дернулась воительница: если бы что-то случилось, она бы все равно не успела меня защитить.

– Не вдруг, – улыбнулась я, ободряюще похлопывая ниуэ по плечу.

– Ой, а если...

– Никаких «если», – рассмеялась я. – Все закончилось. – Я указала на первые лучи Сола, трепетно окрашивающие небосклон в нежнейший розовый цвет. – Ночь миновала, а с нами не приключилось ничего плохого.

– Но почему? – Не веря себе, юноша ощупывал свои руки и ноги так бережно, словно прикасался к хрупкому хрустальному сосуду. От волнения и возбуждения Беонир покрылся легкой испариной. – Почему я не стал зверем?

– Потому, что ты стал человеком! – победно провозгласила я, накидывая плащ на его обнаженные плечи. – Полагаю, на тебя частично повлияла моя лекарская магия, усиленная благотворным воздействием целебной почвы Черных холмов. Кроме того, сказываются новые качества, выработанные тобой на протяжении нашего пути: смелость, доброта, совесть, умение сострадать чужой боли. Поздравляю, ты стал тем, кем и хотел быть, – человеком!

– Но это же невероятно! – Беонир всплеснул руками и спрятал лицо в ладонях, стремясь скрыть слезы, хотя я не находила ничего постыдного в подобном проявлении радости.

– Все это вполне реально. К тому же я верю в чудеса, в возможность достичь счастья, – спокойно улыбнулась я и зевнула. – А не пора ли нам отдохнуть? Клянусь Неназываемыми, сегодняшняя ночь стала менее драматичной, чем ожидалось, но от этого не менее волнительной...

– А ведь ты права, Наследница, – с чувством добавила Ребекка, растянув губы в довольной улыбке. – Кстати, превращение постигло не только нашего блохастого товарища, но и меня. До сего момента я не обращала внимания на тот факт, что давно не испытываю потребности в крови. Похоже, я навсегда избавилась от своей порочной склонности!

– Поздравляю вас обоих! – Я улеглась рядом с Мифрил и прикрылась краем плаща. Мои веки смыкались сами собой. – Теперь у вас начинается новая жизнь, так будьте же достойны своего высокого звания.

– Человек! – мечтательно протянул Беонир, усаживаясь напротив меня и восторженно смакуя непривычное, но столь желанное для него слово. – А как полагается жить настоящему человеку, Йона?

Я вздохнула от досады, почти рассерженная его неумным любопытством. Но Ребекка пристроилась под боком у своего возлюбленного и устремила на меня столь же настойчивый, испытующий взгляд. Стало понятно, что приставания прекратятся, только когда я утолю жажду знаний, терзающую обоих моих друзей. Наконец я сдалась и заговорила:

– Как вы помните, в заброшенной эльфийской библиотеке я обнаружила Первую Книгу. Так вот, в ней содержалась одна старинная притча...

– Так расскажи нам ее немедленно! – нетерпеливым дуэтом завопили ниуэ и лайил.

– Хорошо, расскажу. Но только в том случае, если вы не станете меня перебивать, – хитро улыбнувшись, потребовала я.

Беонир тут же закрыл рот, а Ребекка еще и прижала к губам ладонь, показывая, что будет нема как рыба.

Я иронично фыркнула и неторопливо начала:

– В давние-давние времена прекрасным Блентайром правила великая эльфийская королева, славящаяся непревзойденной мудростью. Однажды этой венценосной особе приснился удивительный сон. Ей снилось, будто по своей излюбленной привычке она пришла в лавку, торгующую диковинными вещами, но вместо знакомого торговца увидела за прилавком самого бога Шарро. «Владыка мой! Это ты!» – с радостью воскликнула королева, не осмеливаясь поверить своим глазам. «Да, это я!» – ответил пресветлый бог. «Ты решил развлечь себе торговлей? – догадалась умная женщина и задорно рассмеялась. – А что у тебя можно купить?» «У меня можно купить все, – с наигранной скромностью развел руками Шарро. – Выбирай». «В таком случае дай мне, пожалуйста, здоровья, счастья, уважения, успеха, славы и много любви!» – совсем расшалилась королева, забыв о своем высоком статусе. Но пресветлый бог ничуть не обиделся на столь легкомысленное поведение ее величества, наоборот, он поощрительно улыбнулся и ушел в подсобное помещение, чтобы собрать заказанный товар. Вскоре он вернулся, неся маленькую бумажную коробочку, которую и подал королеве. Та смотрела, ничего не понимая. «Как, и это все?!» – воскликнула удивленная и разочарованная женщина. «Да, это все! – кивнул бог и добавил: – Разве ты не знала, что в моей лавке продаются только семена?..»

После этой фразы я замолчала, решительно повернулась на другой бок, натянула на себя полу плаща и укрылась им с головой. Я полагала, что на сегодня разговор с друзьями закончен, и намеревалась с толком использовать честно заслуженный отдых. Но не тут-то было...

Тишина соблюдалась минут пять, после чего Ребекка прихлопнула отвисшую нижнюю челюсть и последовала примеру древней королевы.

– Как, и это все? – во весь голос возмущенно завопила она, ибо не обладала королевским тактом и сдержанностью.

– Ага! – иронично буркнула я.

– Но мы ничего не поняли, – пожаловался более скромный Беонир. – Видимо, мудрость бога предназначается не для нас.

– Вот все бы вам разжевали да в рот положили! – сердито буркнула я, ворочаясь под плащом. – Суть притчи такова: каждый из нас получает при рождении лишь семена своих будущих качеств, крохотные задатки, которые нам предстоит самостоятельно взращивать и развивать. А то, что из них вырастет, зависит только от нас самих.

– Но... – нерешительно встряла Ребекка, нарушая наш уговор. – Каким образом твоя притча согласуется с нашей ситуацией?

Я сердито стукнула кулаком по земле и пояснила:

– Став людьми, вы получили семена своей будущей личности. Так не дайте же этому бесценному дару превратиться в никчемные сорняки. Употребите его правильно, с пользой и по назначению. Понятно?

И уж кто меня точно понял, так это морская раковина, голосом принцессы Лорейны тихонько напевающая у меня в сумке:

Куда идешь ты, человек?
Чего ты ищешь в этом мире?
Пируешь за столом в трактире
И, душу загубив навек,
Бездумно струны рвешь на лире...

Зачем же ты приходишь в мир?
Сокровищ и чудес желаешь,
О боге часто забываешь

И, как волшебный эликсир,
Чужие жизни выпиваешь.

Готов ли ты познать любовь
Не как безделицу и шутку,
Не как забаву на минутку,
А как обмен на плоть и кровь,
Не подчиненный предрассудку?

Мечтаешь жизнь прожить не зря?
Не сгинуть, всеми позабытым,
Болезнью и вином разбитым,
А, словно яркая заря,
Уйти счастливым, знаменитым?

А ты достоин чести той?
Тогда, коль странствий не боишься,
Иди туда, куда стремишься,
И там, сроднившийся с мечтой,
Ты к новой жизни возродишься...

Друзья молчали, осмысливая мои слова. Не дождавшись их ответа, я положила ладонь под щеку и тотчас провалилась в глубокий сон без сновидений, утомленная событиями минувшей ночи. Хватит с них подсказок. Думаю, каждый должен иметь возможность самостоятельно разобраться со своими жизненными принципами, без чужих советов расставив приоритеты и ориентиры. Я вовсе не собираюсь присваивать себе роль учителя или наставника, ибо сама еще не волшебница, а только учусь. Да и вообще, чужая душа – потемки! И нечего шарить в темноте, а то так можно навернуться, что мало не покажется!..

Мы продолжили путешествие только после обеда, позволив себе хорошенько выспаться. Обещанные Ребеккой ягоды попадались крайне редко, зато ближе к вечеру хлынул дождь. Изредка поднимая голову, поправляя насквозь промокший капюшон и вытирая мокрый лоб, я пытливо всматривалась в даль, явственно различая проявившиеся впереди очертания двух огромных холмов и узкий проход между ними. Здесь начиналась долина Дурбан, преддверие Белых гор, овеянных древними легендами, в равной степени страшными и притягательными.

«Разумеется, лезть сюда жутко опасно, – размышляла я, с сомнением разглядывая крутые склоны холмов, нечетко проступающие сквозь пелену дождя. – Пожалуй, мы совершаем самую большую ошибку в жизни. Конечно, все имеют право на глупость... Вот только некоторые упертые дурочки вроде меня этим правом злоупотребляют...»

– Эти холмы даже названия имеют зловещие. – Беонир осторожно развернул карту, стараясь уберечь ее от проливного дождя, и увлеченно водил пальцем по пергаменту, разбираясь в путеводных значках, выцветших от старости. – Малый Дракон и Большой Дракон...

– Ничего себе! – присвистнула воительница. – Йона, признайся честно, мы там неприятностей на свои пятые точки не огребем?

Я украдкой вздохнула, пряча лицо. Когда к тебе обращаются с просьбой: «Скажи мне, пожалуйста, только честно», с ужасом осознаешь, что сейчас придется много и вдохновенно врать. А врать – это нехорошо! Но куда прикажете деваться?

– Ничуть! – с наигранным оптимизмом поспешила заверить я. – Впереди нас ожидают сущие мелочи: надо всего лишь найти дракона и попросить у него пламя.

– Попросить? – недоверчиво переспросила подруга. – А если он не даст?

– Даст, куда он денется, – уверенно заявила я, прекрасно понимая: иногда лучше конкретно соврать, чем расплывчато мямлить.

– Куда? – иронично хмыкнула Ребекка. – Ты мне лучше скажи, куда денемся мы, если дракон откажется поделиться пламенем и выразит свое недовольство?

В глубине души я полностью осознавала разумность ее доводов, но отступить было некуда: пламя дракона являлось одним из трех обязательных компонентов, необходимых для спасения Ардена, моего возлюбленного. Я вспомнила слова Веершир, жрицы змееликой богини Банрах: «Если ты будешь отважна, принесешь в храм Песка пламя дракона, силу ветра и свежесть моря, если не убоишься черной богини, то, возможно, сумеешь вырвать Ардена из объятий смерти и возвратить его к жизни...» А посему я не собиралась сдаваться и намеревалась добыть пламя дракона любым способом. Пусть даже самым необычным.

Впрочем, поддержка друзей будет явно нелишней. Я решила сменить тактику и воздействовать на податливую душу Ребекки: воительница совершенно не выносила вида чьих-либо слез. Сложив губы бантиком, посмотрела на подругу снизу вверх, лъстиво-умоляюще. При этом умудрилась выдавить из себя пару слезинок, исполнив это вполне достоверно, и жалобно заканючила:

– Ребекка, мне очень нужно попасть в долину Дурбан. Умоляю, пойдем туда...

– А я разве против? – беспомощно скривилась воительница. – Йона, ты только не плачь. Мы ведь обещали, что последуем за тобой всюду. Подтверди, лохматый! – Она дернула нишу за рукав рубашки, чуть не разорвав ее по шву. Юноша поспешно кивнул. А то ведь всем известно: если Ребекка вздумает сотворить что-то хорошее, то это хорошее она непременно сделает. И никакие жертвы и разрушения ее не остановят!

Я сразу повеселела и куда более бодрым шагом зашагала в глубь долины, заинтригованно поглядывая по сторонам.

Здесь ландшафт ничуть не напоминал мертвые земли, окружающие Блентайр. Местная растительность хоть и не отличалась особой красотой, тем не менее выглядела свежей и сочной, радуя наш взор яркими предосенними красками. Деревьев в долине не наблюдалось, но склоны обоих холмов пестрели бурными зарослями шиповника и лещины, что прикрывали отверстия многочисленных пещер, изъязвивших скосы холмов. Огромные глыбы розоватого дурбанского мрамора, беспорядочно прорезающие глинистую почву, оживляли пейзаж. Они острыми пиками вздымались ввысь, а далее за ними призывно белели снеговые шапки Белых гор, величественных и важных. Основание горного хребта терялось в дымке тумана, и поэтому казалось, будто острые пики невесомо парят в воздухе. Это захватывающее зрелище производило сильнейшее впечатление, заставляя нас беспрерывно восторгаться.

– А потом мы отправимся в Запретные горы, – заявил Беонир, убирая карту обратно в сумку. – Еще дальше на север.

– Если выживем после встречи с драконами, – насмешливо хмыкнула Ребекка. – Мне бы ваш оптимизм.

– Выживем, – улыбнулась я. И, желая разрядить повисшее напряжение, шутливо спросила, по-детски пришепывая: – Папочка, а что находится дальше: Сол или Запретные горы?

– Доченька, ты уже большая девочка, – важно пробасил Беонир, мгновенно войдя в роль моего «отца», – и тебе должно быть стыдно задавать такие глупые вопросы. Подними голову и посмотри на небо. Что ты там видишь?

– Сол!

– Правильно. А Запретные горы ты видишь?

– Нет.

– Правильно. Вот и делай соответствующие выводы...

Эхо нашего дружного смеха, раскатившееся меж холмов, показалось мне чересчур громким.

– Это не эхо! – мрачно изрекла Ребекка, предваряя мой логичный вопрос. – Это... Впрочем, оглянись – и увидишь сама.

Повинуясь приказу подруги, я медленно повернулась на каблуках и шокированно замерла, завороженная видом огромной темной тени, поднимающейся с правого холма.

Глава 2

Представшее перед нами существо обладало парой черных кожистых крыльев. Зубастую голову венчал костяной гребень, мощные лапы оканчивались острыми когтями. Размеры этого создания оказались настолько внушительными, что попросту не укладывались у меня в сознании. Спланировав с холма, крылатая тварь разинула пасть и издала гулкий звук, который минуту назад я приняла за эхо. Интонации его рева несли в себе четкий оттенок издевательства.

– Забери меня Тьма! – обалдело выдохнула я. – А это что еще за чудо-юдо?

– Чтоб тебя мантикора три раза переварила! – от всей души пожелала Ребекка, на всякий случай хватаясь за мечи: явившееся создание отнюдь не напоминало безобидного кузнечика.

Беонир по своей давешней манере сначала намеревался юркнуть за крепкую спину лайил, но потом вдруг передумал, горделиво расправил плечи и пристроился рядом с воительницей, угрожающе выставив вперед свернутые в рулончик карты. На оружие этот предмет мало походил, но за неимением лучшего... Возможно, таким нелогичным способом отважный ниуэ намеревался объяснить твари, куда ей следует пойти, и даже собирался указать кратчайший путь...

Но гигантский летун не соизволил отреагировать на эскапады моих отважных друзей. Он мягко, с легкостью, удивительной для столь массивного тела, приземлился перед нами, взметнув облачко пыли. Наклонив голову, гигант уставился на меня выпуклым серым глазом, который по величине не уступал моему кулаку. Вытянув лапу, равнодушно сгреб в горсть разом Ребекку и Беонира, игнорируя их возмущенные вопли. Против него мои друзья смотрелись парой беспомощных букашек. А затем приблизил свою ехидно ухмыляющуюся пасть к моему лицу и раскрыл мощные челюсти, усаженные чудовищными клыками. Я обреченно зажмурилась, прижав к себе плаксиво попискивающую Мифрил. Даже и представить себе не могла, что закончу свою жизнь так глупо и страшно – в желудке проголодавшегося чудовища...

Но вместо того чтобы подзакусить невезучей мной, гигант вдруг задумчиво кашлянул, повернулся, дабы рассмотреть меня вторым глазом, и поинтересовался хрипловатым, но довольно приятным басом:

– Извините, девушка, случайно не вот эта ли блошка должна меня переварить? – Он обличающе взмахнул зажатými в лапе лайил и ниуэ, указывая ими на Мифрил, скромно притаившуюся в складках моего плаща.

Я оторопела.

– Вы умеете разговаривать? – наконец-то собравшись с мыслями, спросила я с благоговейным придыханием в голосе.

– Хм-м, – самокритично усомнилось чудовище. – Когда-то умел, да вот почти разучился за отсутствием практики. А что, у меня плохо получается?

– Нет, наоборот, хорошо! – зачастила я, ужасно боясь обидеть своего невероятного собеседника. – Причем вы изъясняетесь очень культурно!

Из ноздрей польщенного моим комплиментом чудовища выплыла струйка сизого дыма.

– Пожалуйста, отпустите моих друзей, – попросила я. – Обещаю, они не причинят вам никакого вреда.

– Ладно, – проворчал гигант, нехотя опуская на землю Ребекку и Беонира. – Только скажите своей хулиганке подруге, чтобы она больше не размахивала этими своими проволоками. Чуть глаза мне не выколола.

– Ах так! Я, значит, хулиганка? – взъерепенилась воительница, грозно топая ногой. – А ты сам-то кто вообще такой?

– Дракон. – Летун прижал лапу к груди и вежливо поклонился: – Разрешите представиться, меня зовут Железный Дракон!

– Тот самый? – потрясенно ахнула я, вспомнив загадочные намеки, услышанные мною в тронном зале короля Адсхорна. – Которого невозможно переговорить?

– Ну-у-у, – гигант комично уселся на землю, по-кошачьи обвив лапы длинным хвостом, – некоторые пробовали, но, не стану вводить вас в заблуждение, не смогли.

– И что с ними произошло в дальнейшем? – поинтересовалась Ребекка, убирая парные мечи обратно в ножны, подгибая под себя ноги и вальяжно устраиваясь напротив чудовища. Словно хотела дать понять, что кошка здесь она.

– А ничего особенного – я их просто съел! – мило признался дракон и смущенно икнул. – Обычай, знаете ли, у нас такой.

– Ничего себе обычай! – возмущенно присвистнул Беонир. – Значит, в вашем краю увлекаются традициями, политесом, философскими беседами... Кстати, а кто вообще научил вас разговаривать?

Железный Дракон ненадолго прикрыл веками выпуклые глаза, очевидно погружаясь в приятные воспоминания.

– Много лет назад, – начал откровенничать он, – в нашу долину прибыло многочисленное эльфийское войско под командованием двух харизматических личностей. Это были молодой король Арцисс и его друг чародей Лаллэдрин. Полуночные воины намеревались забрать наш мрамор, а также покушались на наши сокровищницы. – Дракон иронично хмыкнул. – Мы сражались несколько дней, но силы противоборствующих сторон оказались примерно равными, и поэтому победа не торопилась склониться на чью-то сторону. Повелитель Полуночных обладал волшебным мечом, носящим имя Лед. Этот клинок успешно справлялся с пламенем драконов и унес жизни многих из нас. Но эльфам никак не удавалось разгромить нас полностью – драконов было слишком много. Наконец король Арцисс устал от этого бессмысленного истребления и предложил своему придворному магу научить меня говорить, дабы мы смогли лучше понимать друг друга. Лаллэдрин блестяще справился с возложенной на него задачей. Мы смогли побеседовать и в результате заключили договор нерушимого сотрудничества. Вдобавок эльфы пообещали, что с того самого мига долина Дурбан становится неприкосновенной собственностью драконьего народа и отныне называется краем Крылатых. В качестве ответной любезности мы подарили эльфам множество мраморных плит, необходимых для постройки города Блентайра. Но, к сожалению, с той поры мир сильно изменился. – Дракон тяжело вздохнул. – Человеческие маги оказались не столь миролюбивы и мудры, как их предшественники. Они принялись истреблять нас. Причем самым вероломным способом – используя чары богини Банрах. Нам пришлось научиться прятаться в глубоких пещерах. Теперь мы выживаем как умеем и с помощью магии оберегаем свои земли от губительного натиска Пустоши. Ни ныне, ни впредь мы не желаем иметь дела с людьми. Мы презираем вашу лживую и корыстную натуру. Уже давно здесь не было ни одного представителя вашего рода. Мы полагали, вы успели забыть о нашем существовании и забыли дорогу, ведущую в долину Дурбан. Мы не нуждаемся в подобных гостях. А поэтому открой мне правду, чародейка... – Железный Дракон мрачно покосился на видневшуюся в распахнутом портале рубашки Звезду моей души: хрустальный артефакт, знак принадлежности к гильдии Чародеев. – Поведай, с какой целью ты пожаловала в наши земли, прибыв сюда незваной и непрошеной гостьей?

«Да... Звучит более чем серьезно», – подумала я. Мне сразу стало не до шуточек. Шутить вообще нужно так, чтобы потом не было мучительно обидно за бесцельно выбитые зубы. А уж в подобной неоднозначной ситуации подтрунивать над собеседником кате-

горически противопоказано... Я набрала в легкие побольше воздуха, словно намеревалась с головой окунуться в ледяную полынью, а затем решительно сбросила капюшон, открыв свои остроконечные уши.

– Скажи, разве я никого тебе не напоминаю, о великий повелитель драконов?

– Я стар, но пока еще не впал в маразм и склерозом не страдаю, – холодно ответил гигант. – Да, признаюсь: твои глаза, уши, волосы, а главное – черты лица буквально кричат о кровном родстве с самим королем Арциссом. Но, увы, даже этого недостаточно, для того чтобы я вспомнил о своих прежних обязательствах перед его кланом. Времена эльфов прошли, а я ничего им не должен. Поэтому уходи отсюда, эльфийка. – Он клацнул зубами. – И скажи спасибо, что отпускаю тебя целой и невредимой. Видят Неназываемые, мой народ достаточно настрадался от произвола человеческих магов, чтобы я стал помогать кому-то из гильдии Чародеев.

Уголки моих губ поползли вниз. Я была разочарована. Худшие предположения Ребекки подтвердились: дракон отнюдь не спешил делиться с нами силой и мудростью. Окажись на моем месте кто-то другой, он бы наверняка тут же повернул назад. Но, к счастью или несчастью, я была не такой и отнюдь не собиралась сдаваться, не исчерпав весь репертуар своих возможностей.

– Не торопись, дракон! – потребовала я. В моем голосе прорезались командные нотки. – Открою тебе секрет: я не просто скромная эльфийская девочка – я являюсь Наследницей трех кланов, призванной спасти от смерти весь Лаганахар...

Но Железный вдруг утробно расхохотался, на полуслове оборвав мою пафосную речь.

– Не держи меня за ущербного дурака, девочка! – презрительно процедил он. – Признаюсь, я не меньше тебя насыпан о пророчестве Неназываемых. Но я не настолько наивен, чтобы признать долгожданную Наследницу в первой же чумазой оборванке, которая по нелепой случайности забрела в долину Дурбан. – Он замолчал, взирая на меня со смесью любопытства и недоверия. Его речь несла в себе оттенок театральности: на самом деле дракона очень интересовали мои дальнейшие действия, которые должны были последовать за подобным заявлением.

Я сердито шмыгнула носом, вынужденная признать неоспоримую правоту его слов. Да, приходилось согласиться с доводами моего умного оппонента: выглядела я отнюдь не царственно, ибо частенько пренебрегала утренним умыванием по причине нехватки воды, а моя одежда загрязнилась и пропылилась. Наверное, Наследнице трех эльфийских кланов следовало бы преподнести себя иначе. Мне катастрофически не доставало ощущения собственной значимости: видимо, в глубине души все еще жила скромная сирота из приюта, не приемлющая показухи и лицемерия... Но тогда каким образом я смогу убедить Железного Дракона, что являюсь Наследницей и не присваиваю чужой титул? И вдруг меня осенило...

– А вот этот меч ты узнаешь? – ехидно осведомилась я, вытягивая из ножен упомянутый драконом Лед, отливающий холодным белым светом. – Хочу освежить твою память: именно этот клинок сильно проредил ваше племя.

Дракон недоуменно моргнул, но секунду спустя снова обрел предельно невозмутимый вид.

– Да, это оружие невозможно спутать с каким-либо иным! – признал он. – Но одного доказательства мало. Ведь мне неизвестно, праведным или неправедным путем ты завладела легендарным мечом. Девочка, извини за откровенность, но ты больше похожа на воровку и побирушку, чем на Наследницу из древнего пророчества!

Я разочарованно прикусила губу, уязвленная его насмешками. Похоже, моя хваленая способность переговаривать Железных драконов оказалась сильно преувеличена и теперь стремилась к нулю.

– Ах ты болтливая ящерица, – разъяренно завопила Ребекка, неожиданно придя мне на помощь. – Да как ты смеешь проявлять неуважение к Наследнице и разговаривать с ней в подобном тоне? Да я тебя сейчас... – Она вскочила и принялась угрожающе размахивать акинаками, наступая на дракона.

Но, увы, отважная воительница так и не успела совершить ничего судьбоносного. Одним небрежным движением огромной лапы гигант легко прижал девушку к земле, надавив ей на плечо серповидно изогнутым когтем, а затем устремил на меня пылающий негодованием взор.

– Выбирай, девочка, – лаконично приказал он, – либо я убиваю вас всех, либо вы извиняетесь передо мной, без лишних разговоров покидаете долину и навсегда забываете о ее существовании!

Я обреченно сплотнула. Подумать только, я прошла такой долгий путь, выпуталась из множества передраг – и все это ради того, чтобы мои планы потерпели крушение. Нужно набраться смелости и взглянуть жестокой правде в глаза: я не оправдала доверия, оказанного мне богом Шарро, Джайлзом, Полуденными эльфами! Надежда спасти Лаганахар рассыпалась в прах, как и мечта вернуть Ардена к жизни...

«Ни один враг не сможет победить тебя, пока ты сама не сочтешь себя побежденной!» – когда-то напутствовал мудрый охотник-полуэльф, прибывший на церемонию выбора учеников и предсказавший мне неординарную судьбу. Думаю, ему не раз удавалось воплощать в действительность эту спорную истину, а посему я тоже не собираюсь сдаваться. «Не зазорно упасть сто раз, стыдно один раз не подняться!» – когда-то сказал мой друг ниуэ Зол. Полагаю, он тоже увидел во мне нечто особенное, соответствующее высокому званию Наследницы трех великих кланов, спасительницы Лаганахара. Так имею ли я моральное право разочаровать и его? Конечно же нет! А поэтому, что бы я себе ни вообразила, мне придется встать с коленей и бороться до конца. До последнего вдоха, до последней капли крови! Осознав невозможность отступления, я гордо вскинула голову и задиристо улыбнулась.

– Скажи, ты еще не сошел с ума от скуки и ничегонеделания в этой своей укромной долине? – насмешливо спросила я дракона. Тот выжидательно замер. – Знаешь, какое будущее тебя ждет? Сначала ты разучишься говорить, потом – думать, а в итоге твои соплеменники перестанут тебя уважать! – Сарказм буквально сочился с моего языка, раня сильнее самого острого меча. Судя по тому, как нервозно закашлялся уязвленный дракон, я поняла, что попала не в бровь, а в глаз.

– Ты сомневаешься в моем уме и авторитете? – уточнил он, выпуская из лап Ребекку. – Девочка, опомнись! Твоя наглость переходит допустимые границы!

– Отнюдь! – весело рассмеялась я.

Краем глаза отметила, как совершенно не пострадавшая лайил поспешно отошла в сторонку, с облегчением потирая придавленную драконом руку. Воительница витиевато ругалась, но теперь Железному Дракону стало не до нее.

– Чего ты добиваешься, нахалка? – удивился он, нехотя пригибая мощную шею и заглядывая мне в глаза. – Хочешь потягаться со мной? Но это же безрассудство!

– Не совсем так, – без лишних раздумий поправила я. – Я просто намереваюсь проверить справедливость пафосного заявления, утверждающего, что тебя невозможно переговорить.

Железный весело оскалил зубы и расхохотался так громко, что с ближайшего холма скатилось несколько внушительных валунов. Мы, едва не оглохнув, испуганно присели, зажимая ладонями уши.

– Дурочка ты наивная! – почти ласково сообщил дракон. – Хочешь совершить то, что еще никому не удавалось? Изволь, я к твоим услугам.

– Заключим сделку? – быстренько предложила я. Грех не использовать такой шанс! – Если я сумею переговорить тебя, ты исполнишь любое мое желание и отпустишь нас на все четыре стороны. Идет?

– Ладно, – хмыкнул он. – Но учти. Если проиграешь ты... Если ты не сумеешь убедить меня в том, что являешься истинной Наследницей трех кланов, – вся ваша компания окажется у меня в желудке. Согласна?

– Договорились! – усмехнулась я, выразительным жестом успокаивая Ребекку и Беомира: те впали в неприкрытую панику и в отчаянии заламывали руки.

Усевшись на траву и подогнув под себя ноги, я дружелюбно улыбнулась своему потенциальному палачу:

– Начнем?

– Изволь! – любезно откликнулся дракон и улегся на живот, распластавшись таким образом, чтобы наши головы оказались на одном уровне. – Для начала поведай, зачем ты прибыла в долину Дурбан?

– Дабы достичь поставленной цели и выполнить свой долг, – не моргнув глазом, честно ответила я. – Разве не все люди стремятся к подобному?

Железный иронично фыркнул и небрежно дернул лапой, словно отмахнулся от чего-то незначительного.

– Расскажу-ка я тебе, пожалуй, поучительную историю про одного эльфийского чародея из Джалмера, – предложил он. – О том, как он стремился выполнить свой долг любой ценой и что из этого вышло...

Я согласно кивнула, безмерно заинтригованная увлекательным началом нашего опасного диспута. Железный Дракон устроился поудобнее и медленно, смакуя каждое слово, начал свой рассказ...

В стародавние времена, на которые пришелся расцвет эльфийской расы, владения трех кланов начитывали не один, а целых восемнадцать городов. Эти города змейкой растянулись вдоль течения полноводной реки Алларики. Самым слабым из них считался провинциальный городок Джалмер на окраине пустыни Маграб. Понятно, что на пограничный город, если он не защищен неприступной крепостью, можно напасть с любой стороны. Позднее там возвели надежные оборонительные сооружения, но триста лет назад вокруг Джалмера красовались лишь убогие глиняные стены – верблюдам на смех. Однако смех смехом, но никакие враги не могли подступиться к городу. Ведь охранял его великий чародей Салахи. Охранял один и без оружия, только силой своего духа. Брал он за свою работу дорого – целых пятьсот серебряных риелей в день! Впрочем, за эти деньги он обещал джалмерскому князю защищать не только город, но и его самого, причем не только от врагов, но и от богов, болезней и любых несчастий. И следует признать по справедливости, что целых двадцать четыре года Салахи все удавалось блестяще: и город был в полном порядке, и князь не чихал, не кашлял. В общем, ничем тамошний государь не болел, ничего себе не ломал и чувствовал себя молодым и здоровым, несмотря на гарем из семисот требовательных наложниц, регулярный прием опиума и выкуривание восьми кальянов в день. А что тут удивительного? Ведь Салахи пообещал, что, пока он жив, с князем не случится ничего дурного. Вот князь и благоденствовал.

Каждое утро чародей обходил вокруг холм, на котором стоял город. Не просто так, а медленно и продуманно – с заклинаниями, поклонами и прочими магическими штучками. Потом он навещал князя, забирал свои пятьсот риелей, сотню разносил по храмам, еще сотню – по школам, третью сотню отдавал больницам, полторы сотни раздавал бедным и недужным, а остальное доставалось его сестре и приемному сыну Жмуре. Чародеи не имели права жениться и иметь детей, поэтому Салахи усыновил племянника и обучал его азам

магического искусства. Так проходил день, а вечером чародей снова совершал обход городского холма – ежедневно, в любую погоду, без отпусков и выходных. Жители Джалмера почитали его за святого.

И вот однажды во время вечернего обхода Салахи узрел змееликую богиню Банрах. Стремительной походкой она двигалась к городским воротам. Повелительница выглядела мрачнее тучи, а в ее руках вместо оружия блестели хирургические инструменты. С первого взгляда магу стало ясно, что это не к добру. И тогда он бесстрашно встал перед городскими воротами, преграждая богине дорогу.

– Дай мне пройти, о знаменитый чародей! – потребовала Банрах, скрежеща гнилыми зубами. – В этом городе живет мерзавец, осквернивший мою святыню! Я вне себя от гнева, и месть моя должна свершиться немедленно! Я вырежу его тупые мозги и скормлю их собакам!

– Виновный в святотатстве непременно подвергнется наказанию, – смиренно ответил Салахи, поклонившись до земли. – Но наказание должно соответствовать его вине. Расскажи мне об обстоятельствах этого дела.

– Обстоятельства повергнут тебя в ужас, – взбешенно прорычала змееликая, скальпелем вычищая засохшую под ногтями кровь. – Этот выродец посмел плюнуть на мою статую! На мою самую древнюю статую, старше которой нет во всей округе!

– Да, это тяжкий грех, – печально согласился Салахи, – но только в том случае, если он был совершен умышленно. В противном случае виновный очищается чтением молитв в честь пресветлого Шарро, а оскверненная статуя – золой, водой и пемзой. Тебе нет нужды его убивать: сегодня я совершу все необходимые очищения.

– Он не очистится даже жертвоприношением всех своих коней! – грозно нахмурившись, возразила строптивая богиня: ее сильно разозлило упоминание имени ее старшего брата. – Моя статуя валяется у него в конюшне – уже за одно это его надо четвертовать! Он давно поплевывал на нее, сам того не замечая, но сегодня ему указали на это и предупредили, чтобы он не гневил богиню. Однако подонок ничуть не раскаялся – он расхохотался и сказал: «Плевать мне на Банрах! Мой чародей защитит меня хоть от самих Неназываемых!» И харкнул уже намеренно, пнув мою статую ногой! – Змееликая демонстративно потеряла ягодицу.

Чародей, конечно, сразу же догадался, кто является этим закоренелым грешником.

– Плевок и пинок не караются смертью ни в одном из эльфийских городов, – миролюбиво пояснил он. – Прости моего государя, о великая. Я вразумлю его, он покается и впредь станет вести себя более осмотрительно.

– Это абсолютно исключено, – с глумливым смешком отозвалась Банрах. – Я ужасно зла, и я жажду крови. Впусти меня в город! Ладно, я не стану убивать твоего князя – я всего лишь отрежу ему губы, ноги и язык. Это наказание законно, ты не имеешь права ему препятствовать!

– Давай я утолю твою жажду мести и сам накажу виновного, – подкупающим тоном предложил Салахи. – Сегодня я приду в твой храм и принесу себя в жертву тебе. Пусть моя кровь смоем его грехи, и пусть моя смерть послужит ему наказанием.

Богиня застыла в изумлении.

– В своем ли ты уме, чародей? – наконец визгливо вскричала она. – Ты, просветленный, безупречный и праведный, жертвуешь собой ради ничтожества из более низкой гильдии, которое даже не смотрит, куда плюет?

– Я жертвую собой ради себя, – спокойно объяснил мудрый чародей. – Я поклялся своей праведностью, что с моим государем ничего не случится, пока я жив. Если я не смогу защитить его, я буду уже небезупречен. Но он обидел богиню и заслужил наказание. Если я не дам свершиться правосудию, я поступлю несправедливо. В обоих случаях мне незачем

дальше жить. Но пока государь жив, я могу умереть достойно, не нарушив своего обета. Так возьми же мою жизнь и прости его, если сможешь.

– Будь по-твоему, – согласилась богиня, потрясенная до самой глубины своей злобной души. – Я приму твою жертву и попытаюсь простить твоего глупого князя.

Произнеся эти слова, змееликая растворилась в вечернем воздухе. А Салахи поспешил домой. Дома он повелел приемному сыну Жмуре:

– Сегодня ты принесешь меня в жертву черной богине, дабы спасти нашего государя. Сразу после этого иди к нему в конюшню и соверши обряд очищения над черной каменной плитой, которая там лежит, – это старинное изображение Банрах, подвергшееся осквернению. В дальнейшем проследи, чтобы эту статую перенесли в отдельный храм и оказывали ей особое почтение.

Юноша пришел в ужас, но перечить не осмелился. Они отправились в храм Банрах, где молодой чародей отрубил голову своему приемному отцу и водрузил ее на алтарь. А в это же самое время его мать, родная сестра Салахи, которая осталась дома одна, привязала веревку к потолочной балке и повесилась. Когда Жмура вернулся, его мать была мертва – висела синяя, с высунутым языком, а из ее рта сочилась кровавая пена. Так юноша в одночасье лишился обоих родителей, и горю его не было предела. Не дожидаясь утра, он пошел к князю, разбудил его и рассказал о случившемся.

От ужасных новостей у князя разлилась по телу желчь и помутился рассудок. Он выхватил кинжал, нанес себе восемнадцать ритуальных ран и лишил себя жизни – прямо на глазах у парнишки, который только что убил своего отца, чтобы эту самую жизнь сохранить! Бедняге и без того хватало тяжелых впечатлений, а тут еще эта жуткая смерть, которая и вовсе его подкосила. Тогда молодой человек побежал в храм Банрах и там перерезал себе горло...

Дракон замолчал, провокационно косясь на меня хитро прищуренным глазом. Я сидела молчком, силясь осмыслить услышанную историю и усвоить мораль, в ней заключенную. Беонир, отвесив челюсть, впал в тоску по погибшему магу. И лишь одна Ребекка не повелась на эту душеспасительную сказку. Лайил цинично высморкалась и рассмеялась.

– Теперь-то я понимаю, почему у нас всех глупо померших покойников жмуриками называют! – язвительно хмыкнула она, осуждающе покачав головой. – Ибо лишать себя жизни из-за чужой смерти – самое дурное занятие в мире! И родным не поможешь, и себе хуже сделаешь. Тьфу! – сердито сплюнула она. – Глупость несусветная!

Железный философски пожал крыльями и добавил:

– Такая вот трагедия разыгралась в городе Джалмере – а все из-за чего? Все из-за того, что Салахи слишком серьезно относился к своим обязанностям – примерно как ты сейчас, девочка. Решил, что он кому-то что-то должен, взвалил на себя непосильную ношу и волок ее до потери головы. И вот результат: себя угробил, сестру угробил, сына приемного угробил – а повелителя своего все равно не спас. А теперь скажи мне, девочка: стоит ли быть таким дураком? И кому нужны бесполезные жертвы?

Я прекрасно понимала, что дракон не просто так рассказал поучительную историю. Он задал конкретный вопрос и явно ждал от меня небанального ответа. Такого, от которого могла напрямую зависеть моя дальнейшая судьба. Я молчала несколько минут, а потом произнесла следующее. Сказала не потому, что испугалась за свою голову, а потому, что очень хотела возразить Железному.

– Если богиня приняла жертву, значит, жертва была ненасправной. Салахи умер безупречно: такая смерть учит нас верить в справедливость. А можешь ли ты, дракон, пообещать, что умрешь столь же красиво и возвышенно, умрешь во благо других? Ты считаешь, чародею следовало пожалеть свою жизнь и пренебречь высоким долгом? Но он имел то, чего

нет у тебя: ответственность, обязанности, привязанность. Салахи ставил долг выше жизни и общался с богами на равных, при этом получая в день пятьсот риелей, которые тратил на благие дела. Ты намекаешь, что тем самым он убил себя и свою семью? Никто не убивает и никто не умирает. Все трое ушли в следующую жизнь наилучшим образом: они получили возможность возродиться в одном поколении и встретиться снова. А где твои возможности, дракон? Ты утверждаешь, что Салахи не спас своего государя. Но он уберег его от гнева богини, который простирается на семь жизней вперед, – а это ли не спасение? Князь покинул этот мир прощенным, и смерть его стала благородной: он покончил с собой в порыве раскаяния. Умереть не всегда означает погибнуть, пойми это, Железный. И выжить не всегда означает спастись. Ты называешь Салахи глупцом? Но как назвать тебя самого, если ты не понимаешь столь очевидных истин?

Над долиной Дурбан повисла мертвая тишина... Ребекка устыдилась своих слов и прикусила губу, признавая ошибку. Дракон смотрел на меня с изумлением, а его круглые глаза почти вылезли на лоб, что придавало могучему гиганту на редкость комичный вид. Кажется, он понял смысл моего ответа, а также принял тот факт, что я скорее умру, чем соглашусь свернуть с выбранного пути и отказаться от поставленных целей. И тогда в его зрачках зажегся слабый огонек: намек на уважение, еще только собирающийся разгореться ярким и всепоглощающим огнем дружбы. А мне следовало во что бы то ни стало поспособствовать этому процессу.

Впрочем, вскоре дракон пришел в себя, прокашлялся и заявил:

– Девочка, ты выслушала мою историю. Теперь настала твоя очередь впечатлить нас своим жизненным опытом. Мы тебя слушаем.

Под этим многозначительным «мы» он, кажется, подразумевал не только себя, но и Ребекку с Беониром. Эти двое поддержали моего оппонента радостными энергичными кивками. Я улыбнулась и задумалась. Какую же историю им рассказать?

Следует признаться, я не обладаю большим жизненным опытом. И уж точно мой опыт во много десятков раз уступает необозримой мудрости, накопленной древним драконом. Так какие же истины я успела постичь за свою недолгую жизнь? В приюте меня учили высшей справедливости: «Чтоб твои будущие дети выросли такими же растяпами, как ты!» Меня заставляли преодолевать невозможное: «Не болтай, закрой рот и немедленно ешь суп!» Мне доходчиво объясняли причинно-следственные связи: «Если ты сейчас же не перестанешь реветь, мы тебя отшлепаем!» От меня требовали безоговорочно уважать чужой труд: «Если ты хочешь драться с мальчишками, то идите на улицу и там хоть поубивайте друг друга! А здесь только что пол вымыли!» Мне преподавали основы самолечения: «Если не перестанешь косить глазами, на всю жизнь такой останешься!» Меня приучали мыслить логически: «Потому что я так сказал, вот почему!» Мне привили веру в богов: «Молись, чтобы эта гадость отстиралась!» Меня сделали упрямой и стойкой: «Не выйдешь из мастерской, пока не дошьешь сорок шестое одеяло!» Меня настраивали смело смотреть в будущее: «Подожди, негодница, вот уедут проверяющие из попечительского совета – уж мы с тобой разберемся!» Меня заставляли думать о последствиях своих поступков: «Вот свалишься с колокольни – не пойдешь в деревню на праздник!» Меня принуждали не завидовать: «В Лаганахаре живут сотни детей, которым еще хуже, чем тебе!» Но, увы, меня почему-то не научили дискутировать с мудрыми драконами и добиваться их расположения... Вот и получается, что весь наш жизненный опыт – это масса знаний о том, как не нужно себя вести в ситуациях, которые больше никогда не повторятся!

И все-таки я просто обязана переговорить этого хитрющего дракона. Без его помощи мое дальнейшее путешествие утратит всякий смысл. По преданию, для осуществления пророчества Неназываемых требуются четверо: эльф, ниуэ, лайил и человек. Полагаю, можно не напоминать лишний раз, что четвертым исполнителем пророчества является именно

Арден... И он непременно должен быть спасен. А посему я собралась с духом и, к месту припомнив забавную старинную сказку, когда-то вычитанную мною в Книге Преданий, обратилась к дракону:

– Я хочу рассказать тебе про одного упрямого молодца. Он долго бился над одной задачей, при этом чуть не убится, но в итоге добился своего. И расскажу, что из этого получилось.

– Валяй! – милостиво кивнул дракон. – Я как раз никуда не тороплюсь следующую сотню лет.

Но я не среагировала на его подначку. Придав лицу совершенно бесстрастное выражение, заговорила:

– Триста лет назад среди эльфийских городов особенно выделялся Идрис. Он славился красивыми садами и не менее красивыми девушками. И вот одна из местных красавиц по имени Рада поехала как-то в соседнюю деревню Обейн на ежегодную ярмарку, чтобы купить себе красивые наряды и украшения. А на этой самой ярмарке работал молодой парень Динас – такой красавчик, такой милашка, глаз не отвести! Рада увидела его и потеряла голову. На товары смотрела вполглаза, торговалась вполсилы, накупила дряни втридорога, но ничуть не расстроилась. Приехала домой и бросилась к матери: «Ах, мамочка! Если бы ты только знала, какого красивого парня я видела вчера в Обейне!» И целый вечер рассказывала про этого красавца. Наконец мать с отцом с трудом уложили доченьку спать и принялись совещаться. Тогда мать и говорит:

«Созрела наша девочка. Надо бы ее поскорее замуж выдать, пока не загуляла». Отец согласился. Позвали сваху и стали приданое готовить. Не прошло и двух недель, как выдали Раду замуж за богатого торговца драгоценностями. Был он уже в возрасте и не то чтобы красавец, но мужчина видный и солидный. Жену молодую любил и баловал, и жила она с ним как за каменной стеной. Рада не особо любила супруга, но тем не менее троих сыновей ему родила. А во время исполнения супружеского долга она закрывала глаза и представляла красавчика с обейнской ярмарки. Оттого, должно быть, и сыновья у нее получились всем на зависть – один другого краше.

Так, значит, жила-поживала наша не очень счастливая красавица, и не ведала она, что Динас из Обейна тоже влюбился в нее с первого взгляда, сразу и навсегда! Был он купеческий сын, происходил из хорошего рода и перспективы имел блестящие, но после Рады ему все стало безразлично. Единственное желание у него осталось: увидеть ту девушку с ярмарки хотя бы еще разочек, хоть одним глазком.

Он не знал ни имени незнакомки, ни где она живет. Динас знал лишь, что она самая красивая девушка на свете, к тому же одежду носит городскую, а не деревенскую. Поэтому для начала он стал искать ее в другом близлежащем городе, Аджайне. Целый год юноша прочесывал улицу за улицей, квартал за кварталом, пока не убедился, что девушка его мечты в Аджайне не живет.

Родители упертого Динаса вскоре заприметили недопустимую блажь и всполошились. Попытались сыночка женить, но тот ни в какую. Попробовали было на него надавить, так парень и вовсе сбежал. Переехал в другой город, обошел его вдоль и поперек – все безуспешно. Оттуда отправился в третий, четвертый, пятый... Таким образом Динас странствовал целых двенадцать лет. Перебивался случайными заработками, попрошайничал, играл на деньги в камешки, иногда воровал, но не опустился и не испохабился от такой безобразной жизни. Всегда за собой следил и одевался с иголочки, ведь встреча с девушкой его мечты могла произойти в любой момент. В том, что эта встреча состоится, он был уверен.

И вот наконец добрался Динас и до Идриса. Для начала прошелся по улицам, намереваясь осмотреть новый город, как вдруг заметил симпатичного мальчонку, удивительно похожего на него самого! «А ведь это знак! – подумал обрадованный Динас. – Прослежу-ка я за мальцом, куда он пойдет».

И мальчик привел нашего путника к дому торговца драгоценностями. На балконе Динас увидел свою возлюбленную. Она стала еще более прекрасной, чем была двенадцать лет назад. А Рада в свою очередь узрела того самого красавца из Обейна. Она смотрела и не могла отвести глаз... Они готовы были любоваться друг другом целую вечность, если бы их идиллию не нарушил тот самый мальчик. Он выбежал на балкон, взял маму за руку и увлек за собой в дом. Динас не растерялся: обошел соседей, расспросил про Раду. Не обрадовался, но и не опечалился – ведь что-то подобное он и предполагал. Динас решил поселиться в Идрисе и сделать все, чтобы Рада и ее семья продолжали жить счастливо и спокойно. Мы ведь часто думаем, будто знаем лучше других, что для них есть добро. Не так ли?..

Дракон, сосредоточенно внимающий моему рассказу, согласно промычал нечто неразборчивое. Я, вдохновленная столь многообещающей реакцией, увлеченно продолжила:

– Но между тем прекрасная Рада весь вечер прорыдала над своей загубленной жизнью, а ночью пошла на задний двор и стала складывать костер, намереваясь сжечь свое белое тело, уж коли оно только ее мужу законному принадлежать могло. Служанка заметила ее маневры и отговорила от самосожжения. Сказала:

«Лучше разок налево сходить, чем детей сиротами оставлять!» – и пообещала хозяйке устроить тайную встречу с похитителем ее сердца.

Рада подумала-подумала и согласилась, решив: «Приласкаю любимого, а потом буду этими сладкими воспоминаниями душу подпитывать, характер закалять и силу воли тренировать. Ибо секс не единственная радость для умной женщины, у которой, помимо иных жизненно важных органов, еще и голова имеется». При этой оптимистичной мысли у Рады мгновенно высохли слезы, и с тех пор она только предстоящим свиданием и грезилась. А Динас каждый день проходил мимо ее дома и каждый раз напротив ее балкона притормаживал, но надолго не задерживался, дабы повода для сплетен не давать.

Таким манером влюбленные довольно долго улыбались друг другу через улицу – недели две или даже больше. А потом торговец драгоценностями неожиданно уехал за новым товаром. И тогда служанка отвела Раду в городской сад, где ее уже ждал Динас. Случилось это перед самым рассветом, в саду еще никто не гулял, сторожа крепко спали, и влюбленные могли позволить себе все, что угодно. Но они даже словечком перемолвиться не успели: только-только обнялись – и все! У красавицы Рады от счастья остановилось сердце, а потом и у красавца Динаса сердце разорвалось от горя! Они упали на клумбу и лежали среди цветов и трав, так и не выпустив друг друга из объятий.

В такой неприличной позе их и обнаружили поутру сторожа, а затем и многие другие достойные горожане. Через несколько минут вокруг прекрасных мертвецов собралась немалая толпа, ведь не каждый день на такую красоту можно полюбоваться. А почти рогатый торговец драгоценностями тем временем почуял недоброе и вернулся с полдороги – благо далеко уехать не успел. Въезжает в город – и ему докладывают, что его жена лежит мертвая в городском саду. Он поспешил в сад, растолкал толпу, увидел трупы – и тут же упал замертво рядом с ними. Не выдержало его сердце публичного стыда и позора...

После такого душеспитательного финала я замолчала, выжидательно поглядывая на дракона. Тот основательно задумался. Беонир сидел молчком, утирая предательски повлажневшие глаза платком, вытащенным из кармана Ребекки. А сама воительница рыдала в голос, безмерно потрясенная горькой участью несчастных влюбленных. Следует заметить, моя телохранительница и раньше-то отличалась душевной мягкостью, а теперь и вовсе раскисла, найдя нечто общее между героями сказки и собой с Беониром. Неопределенное будущее их взаимного чувства весьма ее печалило, и эта печаль выразилась в слезах и бурных всхлипываниях. Что поделаешь, если в каждой женщине постоянно соперничают две противоположащие сущности: кошачье желание стать независимой и чисто собачья потребность

иметь хозяина. В общем, преподанный мною урок оказался жестоким, но полезным. Впрочем, на то он и урок!

– Вот такая драма произошла в Идрисе. А все из-за чего? – неожиданно прервала затянувшееся молчание я. – А все из-за того, что Динас оказался чересчур настырным – примерно как я сейчас. Будь юноша чуть благоразумнее, он отступился бы и прекратил свои поиски через две-три недели. А его возлюбленная дожила бы свой век в покое и достатке, да и сам он занялся бы семейным делом и со временем стал бы уважаемым торговцем. Но нет, Динас заиклился на своей безумной идее, и вот результат: погубил свою жизнь, погубил жизнь и честь любимой женщины, фактически убил ее мужа и оставил сиротами ее детей. Ну и кто он после этого? По-моему, законченный идиот, маньяк и эгоист. А как по-твоему, Железный?..

Дракон так и замер с открытой пастью, взирая на меня настолько удрученно, словно я страдала неизлечимым слабоумием. Ребекка подавилась слезами, а Беонир и вовсе шлепнулся на бок, умело имитируя глубокий обморок.

Несомненно, мои слушатели сразу поняли: я поведала им чрезвычайно странную сказку, которая лишь подчеркнула всю бессмысленность и даже опасность моих жизненных планов. Спрашивается, зачем я совершила подобную глупость? Но этого не знал никто.

Глава 3

– Ты сошла с ума, девочка! – скорбным басом констатировал мой непоколебимый оппонент, сокрушенно вздыхая. – Вместо того чтобы попытаться сразить меня своей мудростью и богатым жизненным опытом, ты рассказала мне историю, сводящую на нет все твои жалкие потуги. Ты ничуть не подтвердила присвоенного тобой титула Наследницы трех кланов. Ты меня разочаровала.

– Йона, ты... – У Ребекки не нашлось нужных слов порицания, способных точно охарактеризовать мое скандальное поведение, и поэтому она просто покрутила пальцем у виска.

Но, к всеобщему изумлению, я победно расхохоталась, откровенно наслаждаясь произведенным эффектом. Воистину он был сногшибательным!

– Полюбуйтесь, она еще и смеется! – с негодованием всплеснул крыльями дракон, донельзя растерянный и шокированный. – Эй, воительница, скажи, – обратился он к Ребекке, – с твоей подругой уже случались подобные приступы умопомрачения?

– Нет, – сконфуженно процедила лайил. – Йона, конечно, на многое способна, но такой ерундой она занимается впервые. Может, ее лечить пора?

– Пора! – быстро согласился дракон. – И есть я ее не стану, – чуть подумав, добавил он. – А то вдруг это заразно.

Я радостно потеряла руки, убеждаясь, что все идет как нужно. Мой план удался на славу!

– Ты обещал выполнить любое мое желание! – нагло напомнила я.

Железный дракон вяло перевалился на хвост, невежливо икнул и посмотрел на меня почти жалобно.

– Я обещал отпустить всех вас и выполнить твоё желание только в том случае, если ты сумеешь поразить меня своими умственными способностями, тем самым доказав, что являешься настоящей Наследницей! – по слогам втолковал он, обращаясь со мной так бережно и немного брезгливо, будто я была обгадившим штанишки младенцем. – Понимаешь? А ты вместо этого поразила меня своей глупостью! Мне тебя жаль, нищенка. Я вас отпускаю и...

– Я поразила тебя твоей же глупостью, а не своей! – хамовато парировала я, не позволив ему договорить. – Признай этот факт, Железный!

– Что?! – гневно взревел дракон, оскаливая огромные клыки. – Ну все, мое терпение исчерпалось. Учти, заносчивая дурочка, ты сама напросилась на неприятности!

Ребекка скрючилась, словно зародыш в материнской утробе, и прикрыла голову руками, всей своей позой выражая обреченность приготовившейся к закланию жертвы. Бео-нир, едва приоткрывший правый глаз, снова бухнулся в обморок, на сей раз, похоже, настоящий. Но я не испугалась. Я поднялась на ноги и холодно отчеканила, глядя прямо на раздувшегося от ярости дракона:

– История, которую я тебе рассказала, не так проста, как это кажется на первый взгляд. А записал ее тот самый эльф Динас, которого ты посчитал никчемным дураком. В ранней юности, заглядевшись на красавицу Раду, он внезапно увидел сквозь ее черты одну из ипостасей великого и пресветлого бога Шарро, покровителя трех эльфийских кланов. Бог позвал его за собой, но Динас оробел и побоялся подойти. Именно за свою нерешительность он и расплатился впоследствии двенадцатью годами скитаний; ведь именно бога, а не красавицу с рынка искал он во всех городах. Но Шарро явился ему только в Идрисе – и на то имелась своя причина...

В Идрисе тогда жил великий чародей Сандуор, преданный слуга бога Шарро, мудрец и чудотворец. Рада была его лучшей ученицей. В детстве она получила от чародея тайное посвящение, приняла в себя одну из ипостасей бога Шарро и стала его жрицей. Идрисские чародеи поклонялись ей как живой богине. Но однажды она увидела Динаса. После встречи с

красавцем ее помыслы загрязнились похотью, и Шарро покинул тело великой жрицы. Динас нашел Раду, но не нашел бога – однако он не терял надежды до тех пор, пока красавица не умерла в его объятиях. Сердце его разорвалось, когда он осознал, что утратил единственную нить, ведущую к пресветлому, – и он тогда действительно умер. Но жизнь его на этом не закончилась.

Дело в том, что чародей Сандуор не смирился со смертью своей любимой ученицы. Пока тела погибших готовили к кремации, он взывал к Шарро, умоляя его о невозможном. И бог услышал своего преданного слугу – и воскресил всех троих умерших! Торговец драгоценностями великодушно простил свою грешную жену, и она родила ему еще двоих детей. А Динас стал преданным адептом бога Шарро и преемником Сандуора. В Обейне он известен как мудрый духовный учитель, а его история служит примером того, как важно проявлять настойчивость в стремлении к высшим целям, не боясь даже смерти. Ты, Железный, не зная подоплеки событий, воспринял эту историю однобоко, а уже взялся судить о чьих-то сокровенных помыслах и целях многих поступков. Неудивительно, что твои выводы оказались так далеки от истины...

Но я не успела завершить свою вдохновенную речь, ибо дракон вдруг прижал лапу к груди, закатил глаза, простонал что-то покаянное, тяжело свалился к подножию холма и распластался как мертвый...

– И никакой он не железный! – злорадно хихикала Ребекка, поливая драконью голову водой из своей фляжки: уморенный мною страдалец пребывал в бессознательном состоянии и ни на что не реагировал. – Сьеррина кисейная и впечатлительная барышня. О-о-о, предлагаю переименовать его в Кисейного! – Она глумливо хмыкнула.

– Не смей издеваться над животным, садистка! – с нарочитой суровостью приказал Беонир, еле сдерживая подкатывающий к горлу смех. – Это живодерство какое-то, а не первая помощь врагу, пострадавшему в интеллектуальной схватке.

– И поделом ему! – мстительно откликнулась воительница. – Сам знаешь, какая я скорая на помощь. – Она отложила опустевшую фляжку и выразительно прикоснулась к рукояти акинака: – Слушайте, а может, добить его, чтобы не мучился?

– Ни-ни! – мгновенно откликнулась я. – Не забывай, мне нужно его пламя.

– Поздно! – Воительница наклонилась и приложила ухо к плотно сомкнутым драконьим челюстям. – Он уже не копит, не сопит и не дышит. Короче, потухла печурка. Инфаркт, как пить дать инфаркт...

– Или инсульт! – всполошился Беонир, жалостливо обмахивая дракона своим, вернее, Ребеккиным носовым платком, уже изрядно замызганным и мокрым. – Ну нельзя же так с раритетными животными поступать! – Он посмотрел на меня осуждающе, но в глубине глаз так и прыгали задорные смешинки. – Ведь ты же Наследница! – Эта многозначительная фраза прозвучала не как укор, а скорее как комплимент.

Я рассеянно улыбалась, сидя на соседнем пригорочке и вполуха слушая шутливый разговор друзей. В голове бродили десятки разрозненных воспоминаний из прошлого. Я вспомнила и песню про дракона, услышанную в Блентайре, и пророчество пилигрима, который увидел некое зубастое чудовище у меня за плечом... Полагаю, он говорил отнюдь не о Мифрил, ведь у нее нет зубов. Нет, он точно предрекал мне дружбу с драконом! Но как, когда?.. Этого я не знала.

Откровенно говоря, я вовсе не желала зла никому из крылатых, обитающих в долине Дурбан. Я просто упорно шла к поставленной цели, стараясь использовать для этого адекватные и разумные средства. Конечно, иногда я перегибала палку, но ведь никого пока не убила, не ограбила и не сделала сиротой. Единственное, что я себе позволяла, – это здоровый цинизм, который помогает человеку жить полноценной жизнью, при этом не переступая

нравственных законов. А во всем остальном... Ведь моя жизнь – мои правила. Не нравятся мои правила – не лезь в мою жизнь. Разве я неправа?

Наконец, благодаря совместным усилиям Ребекки и Беонира, Железный Дракон пришел в сознание. Он опасливо приоткрыл правый глаз и посмотрел на меня с ярко выраженным недоверием. «Не знаю, чего от тебя еще ожидать!» – без перевода и субтитров читалось на его морде. Я лукаво ухмыльнулась, понимая – пришел мой черед ставить условия и выдвигать требования.

– Еще одну притчу выслушать не желаешь? – услужливо поклонившись, предложила я, сама удивляясь своей внезапно прорезавшейся ехидности. – О недоверчивом драконе и Наследнице трех кланов? О том, как он отказался ей помогать, тем самым став косвенной причиной гибели нашего мира и...

– Смилуйся, Наследница! – повинно взвыл Железный. – Умоляю, не позорь меня на весь Лаганахар! Мне и так тяжело живется, ведь нет у меня ни папы, ни мамы, ни брата...

– Почему нет? – в один голос удивились мы с Ребеккой. – А куда они девались?

– Съел я их! – покаянно просопел Железный. – Обычай у нас, понимаете ли, такой: повелитель драконов съедает всех своих близких родственников!

– И папу? – обомлела лайил.

– Ага!

– И маму? – дотошно уточнил ниуэ.

– Ага! – с готовностью поддакнул крылатый нахал.

– Ну и кто ты после этого? – возмущенным тоном осведомилась я.

– Сиротинушка-а-а! – утробным басом прорыдал дракон, гулко бия себя лапами в грудь.

Мы с Беониром чуть не подавились хохотом, катаясь по жухлой траве. Самокритичность у нашего дракона явно пребывала в зачаточном состоянии.

– Ох как он запел, – с долей осуждения отметила Ребекка, усевшись рядом со мной и по-бабьи подперев голову ладонью. – Куда только весь гонор подевался? – Вопрос прозвучал риторически и в ответе не нуждался.

– Извините меня, – сбивчиво лепетал дракон, униженно распластавшись на пузе и не желая подниматься с земли. – В память о короле Арциссе! Когда-то он назвал меня своим другом...

– Я бы очень хотела последовать его примеру! – открыто улыбнулась я, в душе потешаясь над тем, как быстро поменялось выражение драконьей морды с обреченного на снисходительно-торжествующее. Что ж, позволим нашему оппоненту немного восстановить утраченные позиции! Я старалась не смеяться, хотя мне очень хотелось это сделать. – Разумеется, лишь в том случае, если мы договоримся.

– Ну-у, – задумчиво протянул Железный, поднимаясь из пыли и принимая вальяжную позу, более приличествующую повелителю крылатого народа. – А что ты желаешь получить взамен своей дружбы, Наследница?

– Лишь то, что причитается мне в рамках заключенного нами соглашения, – напомнила я. – Ты отпускаешь меня и моих друзей... – Тут дракон бурно захлопал крыльями, показывая: «Даже не сомневайся». – И еще выполняешь одно мое желание...

– Какое? – пытливо прищурился гигант, ожидая подвоха.

– Мне нужно твое пламя! – не стала увиливать я. – Всего чуть-чуть.

– Хм! – всерьез озадачился дракон, обескураженный моей просьбой. – А ты знаешь, что пламя неотъемлемо от самого дракона и не подлежит переноске?

– Понимаю, – поспешно согласилась я. – Я хочу стать обладательницей вашего тайного рецепта: с помощью чего и как вы создаете свое пламя?

– Нет! – возмущенно отчеканил дракон. – Я не торгую секретами своего народа! – Он гордо отвернулся, при этом с любопытством поглядывая на меня краешком глаза. Очевидно, этого хитреца безумно интересовало, как его не менее хитроумная соперница вывернется из столь щекотливой ситуации.

– Нет, вы только полюбуйтесь, какой пафос из него попер! – искренне возликовала Ребекка. – Хочешь сказать, не плюй в дракона – отскочит?

– Не плюй в дракона, он тебе еще пригодится! – с наигранным смирением поправил Железный.

Беонир тихонько ржал, прикрывшись рукавом, ибо актер из дракона получился хоть куда: любуйся – не налюбуешься. Но я не собиралась потакать выходкам вредного чешуйчатого, сдавать с трудом завоеванные позиции и выпускать инициативу из своих загребущих рук.

– Ах какая роскошная притча у меня получится, – с деланным восторгом хихикнула я. – Про справедливую, благородную Наследницу и жадного, эгоистичного дракона, который...

– Ну хватит, хватит уже! – замотал головой дракон. – Все, ты меня достала! Слушай же, Наследница! – Он величественно склонился к моему уху. – Пламя дракона образуется из драгоценных камней, которые мы глотаем. Попав в наш желудок, они вступают в сложную магическую реакцию с нашим организмом, в результате чего... Смотри... – Он приоткрыл пасть и выдохнул, извергая клубок оранжевого пламени. – Видела?

– Здорово! – бурно заплодировала Ребекка. – Но полагаю, чародейка Йона не глупее какого-то дракона и сможет воспроизвести этот фокус.

– Не уверен! – Железный обиженно насупился. – Во всяком случае, она точно не сможет проглотить нужное количество камней, ибо для пламени их требуется много, очень много...

– Сколько именно? – деловито перебила я, подозревая, что дракон готовит мне какую-то новую западню, уж очень довольным он выглядел.

– Не старайся. – Дракон окинул беглым взглядом наши дорожные мешки. – Их нужно столько, сколько никогда не поместится в вашем багаже. Разрешаю вам, – он злорадно хмыкнул, – войти в мою пещеру и набрать там столько драгоценных камней, сколько войдет в твои сумки. И... желаю тебе удачи, Наследница! – Он не удержался от мстительного смеха.

– Спасибо! – не менее язвительно ответила я, поднимаясь с места и направляясь к указанной драконом пещере. Боюсь, Железного ожидает еще одно тяжелейшее нервное потрясение...

– Нет, ты видел его морду, а?! – Ребекка с надсадным сипением выдохнула воздух через неплотно сжатые зубы, отерла пот со лба и снова ухватила за ляжку моей сумки.

Беонир ограничился коротким кивком, ибо сил у него не хватило даже на простое «да». Он впрягся в сумку, с виду такую маленькую и легкую, крикнул, икнул, пукнул и, душераздирающе скрипя суставами, поволок ее по траве.

– Еще парочку шагов, – умоляла я, на цыпочках следуя за надрывающимися друзьями. – До следующей лошинки, а уж там я вам помогу.

– Нет! – протестующе рыкнула лайил. – Не следует тебе такие жуткие тяжести таскать! И вообще, не порть нам представление.

– Тьфу! – не на шутку рассердилась я. – Помогу – в смысле не понесу сумку вместе с вами, а посредством магии во много раз уменьшу ее вес.

– Чтоб вас всех мантикора три раза переварила! – негодуя охнула воительница. – А почему ты сразу не сказала, что способна на такое?

– Тоже не хотела портить представление! – смущенно пожала плечами я. – А разве оно того не стоило?

– Разве?.. – Ребекка с полузадушенным хохотом повалилась на тяжеленную, будто каменная глыба, сумку. – Стоило, еще как стоило!

Я оглянулась. На невысоком пригорке сидел Железный Дракон. Выглядел он – словами не описать. Из приоткрытой пасти вьется тонкий дымок, глаза выпучены так, что едва не вылезают из орбит, вяло обмякшие крылья нервно подрагивают... М-да, тут и в самом деле недалеко до инфаркта, диагностированного Ребеккой. От подобного зрелища мы расхохотались еще пуще, ибо посмеяться и правда было над чем. А дело обстояло так...

Милостиво решив поделиться с нами драгоценными камнями, дракон привел нас в свою пещеру и, указав на груды ослепительно сияющих сапфиров, изумрудов и алмазов, великодушно разрешил набрать столько, сколько войдет в наши сумки.

– Я ограничусь только одной сумкой! – скромно пообещала я и начала загребать разноцветные камушки.

– Ну-ну, – невежливо хмыкнул дракон, наблюдая за моими размеренными движениями. – Кажется, я здорово переоценил твои умственные способности, Наследница. В эту сумку войдет не больше двадцати камней, а такого скудного количества явно недостаточно для создания пламени.

– Уверен? – иронично спросила я, продолжая методично убавлять возвышающуюся передо мной грудой драгоценностей.

На морде дракона отобразилось первое легкое сомнение.

Опомнилась я примерно через час. Груды драконьих сокровищ уменьшились примерно вдвое, а сам Железный пребывал в состоянии, близком к коматозному. То есть глаза – как плоски, лапы – врасстырку, крылья – дыбом, чешуя – в холодном поту. Хм, я и не подозревала, что драконы умеют потеть... Надрываясь, мы с трудом вытащили сумку с камнями из пещеры и медленно поволокли ее прочь. Дракон провожал нас осоловелым взглядом, тихонько всхлипывая. Впрочем, мы простили ему и эту невежливую выходку. Ведь несчастный гигант ничего не знал о свойствах сумки великого чародея Лаллэдрина. В этой сумке не было ничего особенного... Да-да, ничего такого, кроме ее бездонности!

Благодаря моей магии сумка Лаллэдрина обрела вполне приемлемый вес, и в течение нескольких часов мы покинули волшебную долину Дурбан, дивясь контрастной смене окружающего ландшафта. Подобные чудеса казались нереальными, но факты – вещь упрямая, а посему поневоле пришлось признать очевидное. Сначала я отказывалась верить собственным глазам, но на выходе из долины мы сразу же увидели четкую границу, отделяющую ее от прочей территории края Крылатых. Мы словно перешли через незримую линию, по одну сторону которой царило вечное тепло, а по другую – буйствовала неистребимая стужа. По земле переметало струи снега, мерзлая трава хрустела под ногами. Что это, поздняя осень или ранняя зима?

– Холодрыга! – зябко клацая зубами, пожаловалась Ребекка. – Если эльфы преодолели Белые горы и отправились дальше, то спрашивается, с помощью какого волшебства они умудрились противостоять снегу, ветру и морозу? Не понимаю!

– Все просто. – Я подбадривающе хлопнула подругу по плечу. – Их вел дар любви! – Эта догадка осенила меня, когда я находилась в тронном зале короля Адсхорна Полуденного, и теперь мне не терпелось на практике убедиться в ее справедливости.

– Дар любви? – недоверчиво скривилась моя неисправимо скептическая охранница. – Это что еще за фигня?

– Как, разве тебя не согревает моя любовь? – с наигранным возмущением спросил Беонир, стараясь не дрожать и не заикаться, ибо наши дорожные плащи оказались слишком тонкими для столь холодного климата.

– Нет, не греет! – огрызнулась строптивая воительница. – Она и не светит, и не греет... – Это жесткое дополнение вырвалось после того, как лайил споткнулась в вечернем полумраке и больно ушибла ногу. Надвигались сумерки, что навело на мысль о необходимости искать место для ночлега. Но неужели нам придется спать под открытым небом, отдавшись во власть этого жуткого, сбивающего с ног ветра и мелкого снега, непрерывно сеющего нам на головы?

Я беспомощно огляделась по сторонам, не обнаружив ничего, кроме Белых гор, вырастающих из полутьмы непосредственно перед нами. Прямо на нашем пути находились два высоченных пика, называющихся согласно карте – Мрачный и Молчаливый, между которыми едва видимой тропкой вился узкий, словно шнурок, перевал. Обе вершины были одеты в белые, никогда не тающие шапки из хрусткого снега и с грозным укором смотрели на нас, незваных путников, осмелившихся бросить вызов их многовековой невозмутимости. И тогда, смущенная их абсолютно неприступным видом, я невольно начала гадать... Сумеет ли мы перебраться на другую сторону огромных гор? Сумеет ли одолеть перевал, не замерзнем ли, не сломаем свои дерзкие шеи?.. Впрочем, стоит ли заглядывать так далеко в будущее, если сейчас перед нами стоит проблема ночевки, которая грозит обернуться катастрофой. Ночью похолодает, а нам даже не из чего разжечь костер...

От безрадостных размышлений меня оторвал ликующий крик Беонира:

– Свет! Я вижу свет!

И действительно. Присмотревшись получше, сквозь толстую пелену усилившегося снегопада я тоже разглядела размытые очертания небольшого строения и оранжевое пятно света, горящего в его окнах. Не сговариваясь, мы перешли на бег. Растрясенная Мифрил сердито попискивала у меня под плащом, но сейчас я не обращала никакого внимания на ее справедливые жалобы. Нас гнали холод, голод, стекающие по лицу капли влаги от растаявшего снега, прилипшая к телу мокрая одежда и тот приманчивый огонь, который путеводной звездой сиял неподалеку. Обессилевшие ноги подгибались, но мы упорно стремились вперед, обретая второе дыхание: настолько сильно вдохновила нас перспектива хоть какого-то ужина и безопасного ночлега под кровом близ жарко полыхающего очага. Теперь мы ясно понимали, как должен выглядеть самый желанный уголок нашего сурового мира, ведь каждый из нас вкладывает в понятие счастья именно то, чего ему не хватает в настоящий момент. Прискорбно лишь одно: не все из нас осознают, как мало нужно для счастья, если учесть, что горе – от ума...

Добежав, мы наконец-то поняли: перед нами находится небольшой двухэтажный деревянный домик, окруженный несколькими хозяйственными постройками. Сложенные из бревен стены выглядели очень старыми, источенными годами и непогодой, а оконные проемы затягивали лоскуты мутного бычьего пузыря. Снег замел все следы, ведущие к хибарке, но я тут же заметила несколько пар снегоступов, заботливо привешенных на вбитые в стену колышки. А кроме того, у дальнего сарайчика нечетко виднелся рачительно укрытый мешковиной охотничий инвентарь. Чуть поодаль, за углом домика, высился небольшой холмик, присыпанный снегом. Возможно, там хранили охотничью добычу... Очевидно, в домике кто-то жил. Ворот здесь не наблюдалось и в помине, а поэтому мы просто постучали в широкую дверь, над которой слегка неровными буквами было выведено название сего странного места: «Приют странников».

Пара секунд прошли в тоскливом ожидании, но затем дверь сварливо скрипнула, нерешительно приоткрылась, и мы увидели женщину. Выступив из темноты коридора, она взирала на нас с настороженным интересом. Лицо незнакомки оставалось неразличимым: слабого огонька свечи, зажатой между пальцами, хватало лишь для освещения ее руки, морщинистой и коричневатой, словно дубовая кора. Скорее всего, обитательница «Приюта» была облачена в бесформенную, грубо пошитую меховую одежду. Не ручаюсь за это точно,

ибо я с трудом смогла различить край мохнатого рукава, криво обметанный желтоватой ниткой из жил какого-то животного. Все остальные детали напрочь выпадали из поля зрения. Я открыла рот, намереваясь заговорить первой, но в этот момент женщина безмолвно отступила назад, освобождая проем и оставляя дверь открытой. Мы решили, что получили разрешение переступить порог. Едва Ребекка захлопнула за собой дверь, как негромкий шорох шагов начал удаляться. Все, что нам оставалось, – это последовать за женщиной.

Преодолев темный коридорчик, выложенный рассохшимися досками, мы очутились в небольшой комнате, довольно ярко освещенной несколькими свечами и огнем, жарко полыхающим в зеве округлого камина. Над пламенем висел закопченный котел, источающий умопомрачительный аромат тушеного мяса.

– Слава Неназываемым! – с облегчением выдохнула Ребекка, делая шаг к очагу и протягивая к огню свои сильно покрасневшие от мороза ладони. – Во всяком случае, сегодня мы не умрем.

Ее слова прервал короткий смешок, то ли протестующий, то ли ироничный. Беонир схватился за рукоять ножа, но я сделала успокаивающий жест, призывая юношу к спокойствию, и низко поклонилась:

– Да пребудет с вами Тьма! – Сама не знаю почему, я употребила официальное приветствие, всегда используемое в Блентайре, ничуть не сомневаясь в его уместности.

– Милостью Банрах и во имя ее! – немедленно раздалось в ответ. Впустившая нас в дом женщина тоже вышла на свет и приблизилась к очагу.

Я с легким недоумением рассматривала коренастую фигуру пожилой, приземистой простолюдинки, дивясь ее жестким, обветренным скулам и самопошитой одежде мужского покроя. Две полуседые косы спускались из-под головной повязки, обрамляя худое, маловыразительное, но отнюдь не глупое лицо с густыми бровями. На меня настороженно взирали глубоко посаженные глаза с цепким взглядом, не выражающим ни капли радушия. Мы явно пришли не ко двору. Женщина не торопилась поддержать начатый разговор, чем повергла меня в недоумение. Я растерянн молчала, в душе досадуя на неловко затянувшуюся паузу.

Вдруг в противоположной стене комнаты открылась неприметная дверца, и в комнату вошла вторая женщина, почти точная копия первой. Те же черты, тот же рост, такие же седые косы. Вот только ее лицо показалось мне чуть более одухотворенным.

– Мне мерещится? – Беонир забавно потер глаза, спасая нас от неудобной тишины. – Или вы раздвоились?

– Нет, – хрипловато усмехнулась вторая женщина. – Просто мы близнецы. Меня зовут Марэна. – Она скупым жестом прикоснулась к декоративной бахrome, немного украшающей ее непритязательное одеяние. – А она, – небрежный кивок в сторону нашей проводницы, – Найли, моя младшая сестра.

– Младше на пять минут! – ворчливо уточнила Найли, чем вызвала у старшей еще одну усмешку.

– Нам очень приятно познакомиться с вами, охотницы, – с благодарностью улыбнулась я, получив в ответ еще один настороженный взгляд от Найли. – Я Йона, ученица гильдии Чародеев.

– Вижу. – Марэна посмотрела на мою хрустальную звезду, поблескивающую в вырезе рубашки. – А кто это с тобой?

– Ребекка. Я страж ночного дозора из Блентайра, – представилась воительница и вдруг непонятно с чего добавила: – И я лайил... Не бойтесь меня.

– У каждого свои недостатки, – язвительно фыркнула Марэна. – А пугливые в горах не выживают.

– Беонир! – Следуя моему примеру, юноша отвесил изящный поклон. – И я...

– Вижу! – отмахнулась охотница. – В высшей степени удивительная компания... А это кто еще с вами?

Мифрил, разбуженная нашими голосами и теплом очага, высунула голову из складок моего плаща и начала с интересом оглядываться по сторонам.

– Это... Это Мифрил! – смущенно пояснила я, пытаясь удержать рвущуюся из рук мантикору, привлеченную запахом съестного. – Извините, она пока еще не поднатрела в хороших манерах.

– Белая мантикора? – Марэна ошеломленно заломила густую бровь. По ее лицу скользнула непонятная гримаса – смесь удивления, недоверия, брезгливости... Последнее поразило меня больше всего, но тогда я почему-то не задумалась над своими интуитивными реакциями. А жаль, будь я чуточку наблюдательнее – мы смогли бы избежать многих неприятностей. – Неслыханная редкость в наших краях! – Женщина все-таки овладела собой и даже выдавила слабое подобие восхищенной улыбки. – Но что же мы стоим? Прошу к столу!..

Повинуясь жесту горянки, мы последовали за сестрами, перейдя в следующую комнату. Это помещение оказалось намного больше предыдущего, а его центральную часть занимал массивный стол, застеленный домотканой скатертью и уставленный тарелками с разнообразными кушаньями. Я быстренько пересчитала столовые приборы и прикусила губу: количество разложенных на столе ложек и вилок в точности совпадало с количеством будущих едоков. А особенно удивила заранее приготовленная для Мифрил миска, которую я обнаружила рядом с одним из мест. Причем в посудине уже лежала большая порция жаркого.

«Как будто нас тут ждали!» – еще успела подумать я, но тотчас же отвлеклась от важной мысли, почти одурманенная аппетитными запахами, витающими в столовой. От одного вида этих кушаний у меня сразу же потекли слюнки, ибо здесь имелось все, о чем я даже мечтать не смела в последние два месяца: жаркое, тушеные овощи, ароматный бульон и, конечно, ягоды. Те самые, которые мы безуспешно пытались отыскать в предыдущие дни.

Робко рассевшись на длинной скамье, мы замерли в ожидании знака к началу трапезы. Невзирая на жуткий голод, терзающий наши желудки, мы не хотели выглядеть невежливыми провинциалами, накидывающимися на еду подобно диким зверям. Наконец Марэна подняла свой бокал, тем самым вынудив нас последовать ее примеру. Я взяла грубый деревянный кубок, наполненный каким-то темным напитком, и выжидательно воззрилась на хозяйку.

– Дорогие гости! Я приветствую вас в нашем скромном жилище и пью за успешное окончание ваших странствий, а также за исполнение всех ваших желаний! – пафосно провозгласила горянка и пригубила свой бокал. Ее сестра-близнец, Ребекка и Беонир торопливо повторили жест охотницы. Я тоже поднесла бокал к губам и вдруг случайно бросила взгляд за спину сидящей напротив меня Найли... Да так и замерла с открытым ртом, не успев отпить ни капли...

Я полагаю, удача похожа на женщину: если за ней не бегать, она обидится и придет к тебе сама. И кажется, в настоящий момент со мной происходило нечто подобное. Удача наконец-то повернулась ко мне лицом, шепнув: «Смотри не ошибись! Но если уже наломала дров, то хотя бы сделай вид, будто готовишься к зиме!» А произошло следующее...

В столовой тоже имелся камин. В этом не было ничего удивительного, ведь какой-то иной системы отопления в домике не предусматривалось. Но мое внимание привлек отнюдь не сам очаг из серого гранита, а старое, тусклое зеркало, расположенное точно над ним. В тот миг, когда Марэна подняла руку, поднося к своим губам заздравный кубок, я неожиданно заметила отражение ее обнаженной кисти, промелькнувшее в пожелтевшем от старости стекле. С виду ничем не примечательная, в зеркале ее кисть отразилась как мохнатая звериная лапа, оканчивающаяся огромными когтями. Я моргнула от неожиданности,

но страшное отражение уже исчезло, а рука женщины приняла самый обычный вид, что повергло меня в недоумение. Это истина или просто нелепый обман разыгравшегося воображения, усиленного голодом? Я закашлялась от испуга, не отпив ни глотка.

– Зря ты не пьешь вино, – с осуждением произнесла Ребекка, отставляя свой опустевший кубок. – Оно великолепно!

– Ага! – поддакнул Беонир, облизываясь. – Прелесть!

– Мы его сами делаем из ягод и трав, – пояснила Марэна, настороженно наблюдая за мной. – Выпей, Йона, окажи нам уважение!

– Выпей! – сладко причмокнула воительница. – Честное слово, оно ничем не хуже того, коим нас потчевали в Эррендире.

– Выпей! – согласно подхватил подпевала Беонир. – Не разочаруешься.

– Выпей! – хрипло каркнула Найли, и в ее глазах зажглись нехорошие огоньки. – Немедленно!

Но мой внутренний голос буквально вопил и протестовал, предостерегая – это вино непростое, и пить его не стоит. А еще мне не давало покоя это мимолетное отражение в зеркале, задевшее колокольчик чувства опасности, который громко трезвонил в моей душе.

Я закашлялась еще раз, уже намеренно, с сожалением вздохнула и отставила оставшийся нетронутым бокал.

– Извините, – виновато сказала я, – но детям пить вино нельзя. Во всяком случае, так нас учили в приюте!

– Что за бред? – подпрыгнула на скамейке Ребекка. – Разве ты ребенок?

– Глупости! – злобно бросила Марэна, сверля меня полным ненависти взглядом. – Пей, не ломайся!

– Пей! – наседали Найли.

Я мысленно взмолилась, испрашивая хоть чьей-то помощи, ибо понимала, что никогда и ни под каким принуждением не выпью это вино. И помощь пришла...

Мифрил, которая к тому моменту уже опустошила свою миску, насытилась и вознамерилась отправиться на боковую. Действуя в своей излюбленной манере, она полезла ко мне на колени, собираясь сладко вздремнуть под укрытием плаща. Мантикора с трудом вскарабкалась на высокую лавку, при этом нечаянно толкнув меня под локоть... Моя рука дернулась и задела злополучный кубок. Тот опрокинулся, и вино разлилось по всему столу. Найли разъяренно зашипела, не справившись с обуревающими ее чувствами.

– Ах, простите нас обеих, мы такие неловкие! – наигранно вскричала я, на самом деле готовая благодарно расцеловать свою избавительницу.

– Ничего, – скрипнула зубами Марэна, пытаясь усмирить желваки, гневно перекатывающиеся под кожей ее скул. – Это пустяки. Лучше отведайте нашей еды. – Она торопливо застучала тарелками, стремясь смягчить напряженность момента.

Мои друзья усиленно делали вид, будто ничего не случилось, наперебой нахваливаястряпню хозяек. За столом воцарилась самая непринужденная обстановка: смачно грыз кость Беонир, чавкала Найли, а Ребекка деликатно разрежала кусок жареного мяса. Но, почти уткнувшись носом в миску с кашей из дикого проса, я макушкой ощущала на себе тяжелый, насквозь прожигающий взгляд Марэны, полыхающий едва скрываемой ненавистью. И сейчас я четко понимала: мы находимся не в гостях, мы очутились в хитроумно расставленной ловушке, сооруженной умелыми и чрезвычайно опасными врагами, охотящимися именно на нас. Вот только бы еще понять, к кому именно мы все-таки попали...

Мы ели и ели. Еды оказалось так много, что, даже после того как мы наелись до отвала, ее все еще оставалось вдоволь. Мифрил, сытая и довольная, свернулась калачиком рядом со мной, но не спала, а изредка поднимала голову, обводила настороженным взглядом всех

присутствующих и снова укладывалась. Похоже, она тоже ощущала незримую опасность, витающую под крышей скромного домика. К несчастью, Ребекка и Беонир не разделяли наших опасений, а продолжали беззаботно смеяться и болтать. Однако обильный ужин, как и все хорошее в нашей жизни, тоже подошел к неминуемому концу. Пока Найли ловко и бесшумно убирала со стола, Марэна пустилась в осторожные расспросы:

– Могу ли я поинтересоваться, с какой целью вы пришли в Белые горы? О, уверяю, мое любопытство отнюдь не праздное и я не стремлюсь выведать ваши секреты, – быстро добавила она, заметив наши вытянувшиеся лица. – Просто я знаю эту местность очень хорошо и всегда стараюсь помочь странникам в их походах.

– А что, эту местность посещает много странников? – вопросом на вопрос ответила я, ибо аргументы Марэны показались мне насквозь лживыми.

– Хм, кажется, я выразилась несколько неточно, – суетливо пояснила женщина, поняв, что сболтнула лишнее. – Путникам всегда помогали наши покойные родители, наши деды и прадеды. Они завещали нам эту благородную миссию. Поэтому наш дом и назвали «Приют странников». А теперь, если вы посвятите нас в свои планы, мы непременно постараемся вам помочь.

– Звучит красиво! – согласилась Ребекка, но конец ее фразы испортил громкий зевок, похоронным колоколом отозвавшийся у меня в душе. Хотелось бы мне знать, что было намерено в том треклятом вине...

– Может, расскажем охотницам о наших приключениях? – предложил Беонир, подпирая рукой свою сонно клонящуюся к столу голову. – Или потом, а то я так устал... – Тут он зевнул куда протяжнее, чем лайил.

– А вы что-нибудь слышали об эльфах из клана Полночных, которые прошли через Белые горы двести лет тому назад? – в свою очередь осведомилась я, игнорируя предложение своих доверчивых друзей. – Ваши предки не могли пропустить столь знаменательное событие, как исход эльфов из Блентайра.

Сестры обменялись быстрыми заговорщицкими взглядами.

– Тебя ввели в заблуждение, девочка! – хитро ухмыльнулась Марэна. – Через наш перевал никогда не проходили никакие эльфы. Мы знаем лишь о паре-тройке отважных охотников, выслеживавших горных баранов и ночевавших в «Приюте». А эльфы, если они и существовали, наверное, погибли за десятки лиг отсюда, не выстояв против холода, голода и снежной пурги. Поэтому не тешь себя сказками, это не приведет ни к чему хорошему.

Я сердито нахмурилась, готовая поспорить с кем угодно на что угодно: эта женщина нагло лжет, скрывая от меня правду. Очевидно, ее истинные замыслы не имеют ничего общего с громким заявлением о предполагаемой помощи.

– Ну а сам перевал? – упрямо продолжила я. – Имеется ли он здесь, или его тоже нужно отнести к категории сказок? – Я даже не скрывала издевательских интонаций, намекая на то, что отнюдь не являюсь доверчивой дурочкой, верящей всему и всем.

– Имеется! – недовольно поджала губы Марэна. – Но учти, есть только одна дорога, через перевал Косолапого Медведя. Подгорный проход под Мрачным пиком давно засыпан... Слишком многие путники не вернулись оттуда по причине частых обвалов и регулярно сходящих с гор лавин. Но и оставшаяся дорога через перевал не из легких, там периодически случаются оползни, а в некоторых местах тропа очень узкая. Хотя вас трое, – она иронично покосилась на моих подремывающих спутников, – возможно, вы и справитесь...

– Мы уйдем рано утром, – холодно сообщила я, понимая, что Ребекке и Беониру пора срочно отправляться в постели, ибо толку от них сейчас никакого. – Если, конечно, вы не возражаете, – добавила я, посмотрев хозяйке «Приюта» прямо в глаза.

Марэна сдержанно усмехнулась, давая понять, что сейчас мы всецело в ее власти. Впрочем, ей совершенно ни к чему знать, что у меня свои планы на ближайшее время...

– Час уже поздний, – с ироничной улыбкой вымолвила Найли и поднялась. – Если вы хотите выступить завтра, то пора отдохнуть. Покойной вам ночи.

Горянки помогли едва переступающим ногами Ребекке и Беониру добраться до двух отведенных им комнат, расположенных на первом этаже. Вернее, даже не комнат, а крохотных гостевых чуланчиков, оборудованных скромными лежанками, застеленными шкурами. Все-таки домик с натяжкой, но оправдывал звание приюта. Меня же хозяйки пристроили в угловой комнате второго этажа, где имелась хоть и топорно сработанная, но все же самая настоящая кровать с тюфяком, одеялом и двумя подушками. Я даже не сомневалась, что нас разделили намеренно, поместив меня на внушительном удалении от моих верных друзей.

Я уложила Мифрил под теплое одеяло и задула свечу, усиленно изображая мнимый отход ко сну, хотя на самом деле спать не собиралась. Не раздеваясь и держа под рукой Лед, легендарный клинок, я уселась на краешек кровати, ожидая дальнейшего развития событий. А в том, что оно последует незамедлительно, я была уверена: слишком уж меня насторожило это ехидное «покойной ночи». К тому же я давно привыкла доверять своей интуиции, а именно она подсказывала теперь: в этом месте наблюдается слишком много непонятных и загадочных явлений. Например, тот странный холмик за домом, ужасное отражение в зеркале, внезапный и слишком глубокий сон моих спутников. Во всем этом требуется немедленно разобраться. Правда, я абсолютно не понимала, с чем именно предстоит разбираться и смогу ли я выстоять против атаки двух крепких женщин, отлично владеющих оружием.

Стараясь рассуждать логично, я придумала самый надежный план, содержащий всего лишь пару самонадеянных пунктов: «По фигу! На месте разберусь!» Заодно и поглядим, кто у нас нынче в покойники угодит.

Глава 4

После полуночи мороз усилился и, бесцеремонно проникая сквозь толстые бревенчатые стены, заставлял меня зябко поеживаться. Сидя в пронзительной тишине, я обострившись от волнения слухом отмечала малейший редкий шорох, раздающийся в уснувшем доме. Вот ветер неловко цапнул по наличнику окна, а вот стрельнуло в камине насквозь прогоревшее полено... Впрочем, вскоре погребальное безмолвие нарушилось, сменившись целой симфонией разнообразных звуков, которые заставляли меня нервно вздрагивать и напряженно таращиться в темноту, ожидая чего-то неминуемого. С нижнего этажа начали доноситься залиvistые рулады двухголосого храпа, свидетельствующего о том, что мои друзья погрузились в глубокий и продолжительный сон. Скованные царящим снаружи холодом, сухо потрескивали стены домика: резкие щелчки отвлекли внимание, и это чуть не обернулось огромной бедой, едва не оборвавшей мое длительное путешествие...

Мысль обожгла словно вспышка, заставив меня испуганно прикрыть рукой рот, сдерживая готовый вырваться крик. «Это не скрип стен! – запоздало дошло до меня. – Это половые доски негодуяще прогибаются под чьей-то тяжелой поступью, предупреждая о надвигающейся опасности!» Шаги приблизились к двери и замерли. Моего слуха достигла сбивчивая, едва слышная перебранка.

– Пора! – категорично заявил грубый бас. Я без труда опознала Найли с ее запоминающейся манерой выражаться прямолинейно и немногословно.

– Тише! – опасливо шикнула Марэна, верховодящая в семейном дуэте. – Говори тише! Вдруг она нас услышит.

– Невозможно, – равнодушно опровергла младшая. – Она же человек, всего лишь человек.

– И все же она наполовину эльф, – резонно поправила Марэна. – А я слишком хорошо помню, на что способен их проклятый род. Не забывай наших сестер, погибших от их мечей.

– Мы убили их больше! – мстительно фыркнула Найли. – И убьем еще. – Старшая промолчала, и младшая добавила еще более сердито и нетерпеливо: – Давай закончим все побыстрее, мне уже надоела эта неудобная оболочка.

– Не торопись, а то все испортишь, – мудро посоветовала сдержанная Марэна. – Давай дадим лайил и ниуэ уснуть покрепче, ведь отвар белоцвета действует верно, но медленно. Тогда они точно не смогут помочь эльфийке и помешать нам. Вернемся сюда через полчаса и покончим с девчонкой. А пока... – До меня донесся скрежет поворачиваемого в замке ключа, после чего шепот стал стихать: похоже, собеседницы отходили от моей двери, удаляясь прочь по коридору.

Я растерянно схватила за голову, терзаясь смутными догадками. О чем они говорили? Сестры, погибшие от эльфийских клинков, неудобная оболочка... Прозрение, кажется, находилось где-то совсем рядом, но все никак не торопилось снизойти на глупую меня. Кстати, если уж Марэна и Найли оказались совсем не теми, за кого успешно себя выдавали совсем недавно, то спрашивается: какие враги могли опередить меня настолько, чтобы успеть организовать искусную ловушку? Определенно я еще не встречала иных до такой же степени изворотливых и коварных существ, как эти две лжеохотницы!

Но так или иначе, у меня уже не оставалось времени для мозгового штурма проблемы. И невольно я вновь вспомнила слова своего приютского наставника, брата Флавиана. Тот рекомендовал мне не думать, а действовать. В общем, следует продуктивно использовать эти полчаса форы, отведенные мне охотницами, чтобы из преследуемой жертвы превратиться в затаившегося в засаде охотника, способного обвести вокруг пальца чрезвычайно опасных

врагов. Но что бы такое спасительное придумать? Я растерянно огляделась по сторонам, сиюсь разыскать нечто пригодное для реализации моего плана.

Увы, ничего обнадеживающего не обнаружила. Сейчас я находилась в крохотной комнатушке с одним окном, кроватью и маленьким столиком, вмещающим лишь свечу в подсвечнике и какой-то пухлый сверток. Подергав дверную ручку, убедилась, что меня заперли снаружи, лишив шанса на побег. Итак, единственный путь к отступлению отрезан, а заклинаниями, с помощью которых можно переместиться за стены дома, я не владею. Придется импровизировать на ходу. Утверждают, будто в каждом из нас спит гений... М-да, похоже, мой гений в коме!

Мои размышления нарушила Мифрил. Взобравшись на прикроватный столик, она, недовольно попискивая, положила лапу на сверток. Ее крылышки слегка трепыхались, словно малышка сетовала на мою непростительную бестолковость. Следуя подсказке, я развернула сверток и обнаружила еще одно одеяло, толстое и большое. Решение пришло само собой. Я свернула второе одеяло в рулон, уложила вместо себя в кровать и прикрыла покрывалом, имитируя фигуру спящего человека. Получилось вполне достоверно: в темноте эту «куклу» и вовсе не отличишь от настоящей меня. Я благодарно расцеловала торжествующе курлыкающую Мифрил и спрятала ее под кровать, попросив сидеть тихо и дожидаться моего возвращения. Сообразительная мантикора свернулась в клубочек, заговорщицки поблескивая круглыми бусинками глаз.

Далее я вознамерилась было взломать запертую дверь, но отказалась от этой идеи, понимая, что наделаю много шума и лишу свое появление эффекта неожиданности. Я подошла к окну и внимательно оглядела плотно прилегающие друг к другу створки открывающейся внутрь рамы. К счастью, их запирает всего лишь маленький, хиленький замочек, вставленный в деревянные ушки. Создав крохотный язычок магического огня, я выжгла нехитрое крепление. По комнате поплыл слабый запах горелого дерева. Я распахнула тяжелые оконные створки, и в спальню ворвался поток морозного воздуха, а вместе с ним – клубы мелких колючих снежинок. Ветер завывал на тысячи голосов, умоляя меня не выходить из домика и не отдавать тепло свирепому холоду, безраздельно властвующему в Белых горах. Да, нынешняя ночь явно не располагала к романтическим прогулкам.

Не послушавшись доброго совета северного ветра, я перегнулась через подоконник и глянула вниз. Наметенные за вечер сугробы поднялись вровень с окнами первого этажа, но я не рискнула спрыгнуть в снег, понимая, что отпечатавшиеся следы меня выдадут. Вместо этого я вылезла из комнаты и встала на узкий выступ, образованный торцами балок, опоясывающих дом на уровне разделения этажей. Довольно ухмыльнувшись, закрыла за собой рамы и создала иллюзию замка, висящего на створках. Правда, такой оптический фокус продержится недолго, но, думаю, мне хватит и нескольких минут. Осторожно переступая по обледеневшим бревнам и шатко балансируя, я прошла до середины стены и спрыгнула вниз, приземлившись точно на небольшой козырек над крыльцом. После этих приготовлений я туже завернулась в свой тонкий, насквозь продуваемый ветром плащ, помолилась Неназываемым, прося о помощи, и приготовилась ждать.

Ожидание оказалось коротким. Прошло минут десять с момента побега, когда из отведенной мне спальни вдруг донеслись разочарованные вопли обманутых сестер. Очевидно, они обнаружили, что клетка опустела, а птичка каким-то образом выпорхнула на волю. По дому будто прошелся гневный ураган, сопровождающийся неистовой руганью и грохотом расшвыриваемой мебели. Впрочем, даже этот яростный шум не нарушил мерного храпа моих друзей, который был слышен даже на улице.

– Ищи эту мерзавку! – разъяренно визжала Марэна. От ее криков я содрогалась, потому что в голосе женщины уже не было ничего человеческого. – Она где-то здесь, близко, я ее чую!

– Посмотрю во дворе, – коротко откликнулась Найли. Входная дверь громко хлопнула, выпуская наружу младшую из сестер.

Сверху, с козырька над крыльцом, я увидела темную тень, кубарем скатившуюся со ступенек. Не раздумывая, прыгнула прямо на нее. Мне в очередной раз повезло: всем весом своего тела я скоординированно обрушилась на плечи Найли, при этом случайно приложившись к ее затылку массивным медальоном «Ловец ветра», который теперь постоянно носила на шее. Раздался звук удара, и тело женщины мягко осело в снег, распластавшись в позе выброшенной на берег морской звезды. Похоже, моя противница лишилась сознания. Я радостно ухмыльнулась, ибо давно подозревала, что лучший способ защиты – это нападение. Увязая в глубоком сугробе, я неловко откатилась в сторону, пытаюсь одновременно осуществить два трудновыполнимых действия – подняться на ноги и извлечь из ножен Лед. И мне почти уже удалось встать, но тут случилось непредвиденное... Пробив тонкую корочку наста, моя левая нога практически по колено провалилась в кучу снега, а я начала неуклюже заваливаться на бок – тяжелый меч якорем тянул вниз. Наверное, со стороны это беспомощное барахтанье выглядело нелепым, но именно оно и спасло мне жизнь, уведя с линии направленного удара...

Раздалось громкое хэканье, и в снег – именно в том месте, где еще секунду назад находился мой торс, – впилося лезвие здоровенного топора-колуна. Взвизгнув от ужаса, я юркой змейкой вывернулась из цепких объятий сугроба и буквально отпорхнула на пару шагов влево: ужас и желание жить придали мне сил. Я обернулась... Напротив меня, по щиколотку увязнув в снегу, стояла покачивающаяся Найли, пытаюсь сфокусировать взгляд. Из уголка рта стекала тонкая струйка крови, наглядно подтверждающая действенность доставшегося лжеохотнице удара. Похоже, сама на то не надеясь, я все-таки сумела нанести Найли ощутимый урон. Мне, несомненно, повезло. Но такое чудо происходит только единожды. В дальнейшем мне придется рассчитывать не на промысел небес, а на свою реакцию, смекалку и храбрость. Намереваясь добить свою противницу, до того как она полностью придет в себя, я занесла Лед над головой, целясь в середину груди Найли. Шумно выдохнув, я обрушила смертоносное лезвие клинка на пьяно покачивающуюся женщину, придав ему все возможное ускорение. Мышцы загудели, как до предела натянутые струны, а в плече что-то противно хрупнуло, обжигая резкой вспышкой боли...

Увы, мои усилия пропали втуне! В воздухе сверкнуло что-то узкое и короткое, вскользь чиркнувшее по моей правой кисти. Порез оказался небольшим, но кровь липким ручейком побежала по предплечью, скапливаясь в рукаве. Я громко вскрикнула от неожиданности. Руки дрогнули, и меч, нарушив заданную траекторию, ушел вбок, пропахав снег и не причинив ни малейшего вреда Найли. Разочарованно выругавшись, я взглянула на крыльцо... На ступеньках стояла Марэна. Она откровенно торжествовала, а в ее руке, отведенной для повторного броска, сверкал тонкий кинжал.

– Вот и конец спектаклю! – злорадно усмехнулась она, показывая огромные желтые клыки. – Теперь ты знаешь, девочка, с кем имеешь дело!

– С кем? – все еще не понимала я.

Спрятав за спиной сжатый кулак, я поспешно творила заклинание огня. Странно, но боль в поврежденной руке почти не чувствовалась. Память услужливо воскресила в мозгу поединок с Нагом, и я тут же осознала, что действие его яда, вызывающего частичное онемение конечностей, еще не закончилось. Вот уж точно нет худа без добра! Если бы только моя врагиня поболтала еще минутку, ну хотя бы полминутки...

– Кто вы такие и что я вам сделала? – продолжила выспрашивать я, отвлекая охотницу.

– Мы? – Марэна презрительно расхохоталась, утратив бдительность. – Ты и правда не знаешь, девочка?

– Правда! – почти честно ответила я, не собираясь озвучивать свои смутные догадки. Огненный шар в моем кулаке разгорался, наливаясь мощью и жаром. – Что вам нужно от меня? Как вы меня выследили?

– Нам нужна твоя жизнь! – громовым раскатом пророкотала женщина. – Узнаёшь? – Она показала черный локон. – Твои волосы. Нам дала их богиня Банрах, ибо мы гхалии... – Она так и не завершила фразу, перейдя от слов к поступкам.

Два наших действия слились воедино, став одним. Гхалия метнула кинжал, а я, полностью сформировав заклинание, выплеснула накопленный огонь, уже обжигающий мне пальцы. Гхалия была невероятно хитрой и быстрой, но я все-таки опередила ее на долю мгновения, выиграв этот поединок даже не у нее, а у самой смерти. Огненный сгусток сорвался с моей ладони, вспорол ночную тьму и врезался в грудь гхалии, отшвырнув ее назад, в призывно распахнутые двери «Приюта странников». Испустив отчаянный вопль, тварь канула в темноту, а я присела, пропустив над головой летящий в меня кинжал, срезавший пару волосинок с моей макушки.

Подчинившись собственной интуиции, уже не раз спасавшей мне жизнь, я плашмя рухнула в снег лицом вниз... Мою спину словно обдало ветром... Издав разочарованное шипение, Найли, не удержав равновесия, грузно свалилась рядом со мной, а все тот же злополучный топор, не выполнивший свое предназначение и во второй раз, вылетел у нее из рук и провалился в снег, на сей раз окончательно. Очевидно, короткая передышка, выпавшая на долю младшей гхалии, пошла ей на пользу. Теперь Найли куда лучше владела своими руками и ногами, а полубезумное выражение лица сменилось гримасой ярости. Кажется, мне снова предстоит бороться за свою жизнь!

Понимая, что вязкий снег в некоторой мере уравнивает наши возможности, я с диким визгом прыгнула на свою противницу, и мы покатались по сугробам, скручиваясь в тугой клубок. Мой меч остался где-то в стороне, а для плетения чар требовалось хотя бы несколько секунд, которых у меня, к сожалению, не было. Схватив гхалию за запястья и обвив ногами ее бедра, я пыталась отстраниться от оскаленных клыков твари, щелкающих в опасной близости от моего горла. Но она, даже не вполне оправившись от контузии, все равно была намного сильнее меня. Мои руки дрожали, по вискам струился холодный пот, и я прекрасно понимала, что жить мне осталось считанные секунды. Ну или что-то около того...

Говорят, любовь обитает в наших сердцах, голод – в желудке, страх – во встающих дыбом волосах, а злость – под языком, в виде колких слов. Но вот где живет наша душа? Лично я думаю, что в глазах. Ощувив на себе пристальный немигающий взгляд гхалии, я, словно загипнотизированная, уже не могла отвести взор от ее неестественно расширенных зрачков, напоминающих два черных бездонных колодца. И эти колодцы начали засасывать меня в свои порочные глубины, через глаза вырывая мои мысли, забирая мои воспоминания, истребляя мои желания. Не сумев уничтожить меня физически, гхалия принялась вытягивать из меня душу, обрекая на еще более мучительную и ужасную смерть. Она забирала у меня все: тепло моего тела, стремления моей души, а также мои магические способности. Мое сопротивление все слабело, а надежды на спасение уже не оставалось...

Но вдруг я заметила, как что-то светлое мелькнуло над плечом твари. А затем услышала звонкий звук одиночного, но сильного удара. Глаза гхалии потухли, словно два разбитых фонаря, руки повисли плетями, а голова бессильно свесилась ко мне на грудь. Осознав, что подобный благоприятный шанс больше не выпадет, я мгновенно перевалила на спину неподвижное тело противницы и схватилась за первое, что подвернулось под руку. Это была рукоять моего стилета. Я вытянула клинок из ножен и, недолго думая, вонзила лезвие в центр лба ненавистой врагини. Золотые песчинки, заключенные в алом рубине, венчающем рукоять стилета, завихрились внутри, будто подхваченные невидимым потоком. Гхалия испустила оглушительный предсмертный вой, полный животного ужаса. Ее тело забилося в

бурных конвульсиях, а потом вытянулось на снегу и начало усыхать и съеживаться, словно медленно лишаясь своего содержимого.

Устало пошатываясь, я поднялась на ноги, с уважением рассматривая сидящую чуть поодаль Мифрил. Мантикора чистила о снег окровавленный клювик. Интересно, как это она умудрилась подоспеть вовремя, дабы клонуть гхалию в ее многострадальный затылок и тем самым спасти мне жизнь?

– А ведь я велела тебе затаиться под кроватью и дожидаться моего возвращения! – со смесью укоризны и восхищения напомнила я. – Почему же ты меня ослушалась? Разве ты забыла, что являешься единственной мантикорой нашего гибнущего мира?

Мифрил наклонила голову набок и насмешливо чирикнула, намекая: мол, ты тоже единственная! К тому же я прекрасно понимала, что если бы не Мифрил, то, вероятнее всего, наша следующая встреча состоялась бы весьма не скоро и, надо полагать, в ином мире. Но к чему думать о плохом? Мы снова победили, снова выжили, а значит, не имеем права грустить. Помнится, брат Флавиан как-то процитировал одно мудрое изречение: «По-настоящему наслаждаться жизнью умеет лишь тот, кто воспринимает каждый прожитый день как подарок!» Вот только сегодня мне жутко захотелось дополнить эту фразу словами, что эти «подарки» бывают очень и очень разными!..

Первые проблески приближающегося рассвета окрасили небо в нежнейший розовый цвет. Запрокинув голову, я любовалась слоистыми облаками, невесомо парящими над верхушками Белых гор. Сверху эти пухлые туманные подушки выглядели безупречно серебристыми, а их рыхлые брюхи отливали всеми оттенками кораллового и опалового, щедро подсвеченные лучами Сола, пробуждающегося от ночного сна. Красота утреннего пейзажа радовала взор, заставляя забыть об ужасах истекшей ночи.

Я размышляла о перевале Косолапого Медведя, пролегающем где-то впереди, и о том, сумеем ли мы пройти это опасное место. Попутно я также гадала, куда именно завело меня сильно затянувшееся путешествие, понимая – отступать уже поздно. Теперь точно упрямо придется идти вперед, стараясь не вспоминать о преодоленных опасностях и не страшиться грядущих испытаний. Кто скажет, что ожидает меня там, за Белыми горами? Да, пожалуй, никто! Ни я, ни Ребекка с Беониром, ни сам бог Шарро. Кстати, это даже неплохо.

Все великие поступки в нашем мире совершают люди двух типов. Гениальные – они точно знают, чем рискуют, двигаясь к цели, и стоит ли цель затраченных усилий. Но чаще подобные поступки совершают самонадеянные храбрецы, которые совершенно неспособны соизмерять свои желания с возможностями. Интересно, к какому типу отношусь я сама?

Наше с Мифрил уединение нарушила донельзя заспанная Ребекка. Сладко зевая и потягиваясь, лайил буквально выползла на крылечко, неуверенно переставляя ноги и хватаясь за резные столбики, поддерживающие тот самый козырек, с коего я прыгнула на спину Найли. Воительница зачерпнула горсть снега с перил и приложила к виску, а на ее лице нарисовалось страдальческое выражение.

– Это что же такое забористое мы вчера пили, а? – хрипло простонала она. – Вот Тьма, голова болит, спасу нет!

– Отвар белцвета, – любезно пояснила я, с интересом наблюдая за подругой. – Очень сильное снотворное.

– Зачем? – не поняла лайил, расслабленно приваливаясь к стене домика и обтирая лицо остатками растаявшего снега. – Я вроде на бессонницу не жаловалась.

Я скупно усмехнулась, решив не форсировать события и позволить своей охраннице самостоятельно разобраться в сути пропущенных ею эпизодов. Как говорится, предоставленные сами себе, события нашей жизни имеют тенденцию развиваться от плохого к хорошему. Но на сей раз я просчиталась...

Обводя дворик ленивым взглядом, Ребекка наконец узрела распростертое прямо перед крыльцом тело мертвой Найли, возле которого спокойно и прохаживалась я и весело прыгала мантикора, помахивая уже заметно окрепшими крылышками. Похоже, наша веселая парочка настолько резко контрастировала с одеревенело вытянувшимся трупом, что Ребекка впала в продолжительный ступор. Ее глаза медленно расширялись до тех пор, пока не достигли немыслимого размера, грозя вывалиться из орбит. Впрочем, неудивительно: только слепой мог не заметить стилет, торчащий из лба убиенной мною гхалии. Воительница силилась что-то сказать, но из горла, пережатого нервным спазмом, вырывалось лишь неразборчивое сипение – безусловно, эффектное, но неинформативное.

– Дыши глубже, – искренне посоветовала я. – Ну и, конечно, соблюдай спокойствие, повода для паники нет.

Подруга незамедлительно последовала моей рекомендации, хотя ее выпученные глаза никак не желали принимать нормальный вид.

– Это ты ее убила? – наконец деловито осведомилась Ребекка, снова обретя дар речи. Уголки ее ярких губ осуждающе опустились вниз. – Зачем, почему? Ведь сестры-охотницы проявили такое гостеприимство.

«Да уж, гостеприимнее некуда! – мысленно усмехнулась я, невольно вспомнив страшную сказку, популярную в сиротском приюте, про кровожадную двуличную лесную ведьму. – Накормили, напоили, причем еще как напоили, спать уложили... А ночью, в лучших традициях жанра, намеревались скушать...»

– Во-первых, не я, а мы. – Я улыбнулась благодарно пискнувшей Мифрил. – А во-вторых, может, у меня привычка такая симпатичная образовалась: никогда не оставляй в живых того, кто сделал тебе добро, чтобы ни у кого не быть в долгу! – Тут я с театральным злорадством расхохоталась в лицо опешившей лайил.

– Ты это всерьез говоришь? – удивленно промямлила подруга, кажется враз позабывшая про свое плохое самочувствие. – Или издеваешься?

– Абсолютно! – солидно кивнула я, не уточняя, к которому из ее вопросов следует отнести мою реплику. – Мнимую охотницу убили мы с Мифрил, а подобного «добра» нам ни бесплатно, ни за риели не надо.

– Да-а? – Ребекка бочком сползла с крылечка, подковыляла к мертвому телу и с неподдельным интересом уставилась на странно раскисшую оболочку, ранее являвшуюся человеком, а теперь опустошенную ударом моего стилета. – Что это? – спросила она с содроганием в голосе, пальцем указывая на омерзительные останки.

– Гхалия! – стараясь казаться равнодушной, ответила я.

– А-а-а! – непонятно отреагировала лайил, сделала шаг назад и шлепнулась на ягоды, потрясенная до глубины души неожиданной новостью. – И ты ее убила? – уточнила она кричащим шепотом с непередаваемыми интонациями. – И ты ее убила!

– Мы с Мифрил, – терпеливо поправила я. – Пока вы с Беониром спали, опоенные снотворным питьем, гхалии договорились сначала уничтожить меня, а затем – угробить ничего не подозревающих вас. Но я оказалась проворнее...

– Чтoб их мантикора три раза переварила! – перебила воительница, не дослушав моего лаконичного доклада. – А лохматый-то ни о чем и не ведает!

В эту секунду, заглушив последние слова лайил, из домика донесся дикий, полный неконтролируемого ужаса вопль, перешедший в сбивчивый собачий лай. Такие звуки мог издавать только Беонир!.. Не сговариваясь, мы с лайил повернулись на каблуках и со всей мочи ринулись обратно в домик.

«Только бы не опоздать! – вертелось у меня в голове. – Только бы Беонир не пострадал!» И как я могла забыть про Марэну?! Возможно, мой огненный шар тяжело ранил ее, но конечно же не убил!..

Мы отыскиали Беонира в столовой. Полускрытый от нас столом со скамьями, юноша склонился над чем-то бесформенным, лежащим на полу, и шумно принимался, пофыркивая от отвращения. Слава Неназываемым, к тому моменту ниуэ уже перестал кричать или лаять, а значит, с ним не приключилось ничего дурного. Застав своего возлюбленного в этой задумчивой позе, Ребекка облегченно вздохнула и присела на лавку, судорожно хватаясь за бурно вздымающуюся грудь.

– Когда-нибудь ты меня уморишь! – укоризненно произнесла она, обращаясь к юноше. – Вот погоди, однажды я возьмусь за твое воспитание!

– Йона, ты можешь мне объяснить, что с ней произошло? – попросил Беонир, пальцем указывая на объект, распростертый на полу. На гневную отповедь своей возмущенной невесты он не обратил ни малейшего внимания. – Почему-то она выглядит... – Он замялся. – Не совсем живой...

– Могу! – ответила я, догадавшись, что именно вызвало сначала столь бурную реакцию со стороны полусонного юноши, а затем – всплеск неуместного любопытства. Я обошла вокруг стола и присела на корточки, небрежно склонившись над останками той, которая совсем недавно называлась Марэной.

– Понимаешь, я наступил на нее в утреннем полумраке и немного не сдержал эмоции, – стал оправдываться юноша. – Ах, это так невежливо!

– Ничего себе «немного»! – язвительно фыркнула Ребекка, как обычно не давая спуска своему вечному оппоненту. – Да ты орал так, будто тебя кто-то насилует! Причем этот кто-то явно не я...

Беонир терпеливо вздохнул, давая мне понять, что он прекрасно понимает: есть тысяча рецептов, как заставить женщину говорить, но не существует ни одного действенного способа заставить ее замолчать.

– Забудь о вежливости, – успокаивающе улыбнулась я. – Марэна в этом уже не нуждается, ибо она мертва.

– Мертва! – подпрыгнул Беонир. – Но кто ее убил и за что?

– Я! – монотонно пояснила я, мучаясь ощущением нудной затянутости этой сцены, состоящей из однообразных вопросов и ответов. – Кстати, там, во дворе, лежит ее сестра, такая же холодная и неживая.

Беонир изумленно охнул, отшатнулся, с размаху плюхнулся рядом с Ребеккой, предательски подбитый под колени краем лавки, и потребовал немедленных объяснений. Я красочно описала события минувшей ночи, не скупясь на комплименты в адрес своей вовремя подоспевшей крылатой спасительницы. Друзья слушали молча, затаив дыхание и восхищенно приоткрыв рты. И я их понимала, ведь никакая выдумка, даже самая замысловатая, не сравнится с обычной правдой, намного превосходящей все сказки и легенды нашего мира.

Последовательно излагая факты, я попутно проанализировала всю доступную мне информацию и пришла к интересным выводам. Оказалось, что Душа Пустоши, заключенная в стилете и подчиняющаяся отныне только мне, способна убить гхалию, в свою очередь вытянув из этой кровососки и жизнь, и силы. Интересно, что произойдет, если я ударю этим клинком кого-то другого?.. Жаль, но пока я имею возможность только теоретизировать. А если сравнить останки Найли и Марэны, то можно с уверенностью заявить: первую я убила, а от второй осталась лишь лишенная плоти кожа, изуродованная огромным ожогом. Полагая, раненная мною гхалия сумела благополучно покинуть присвоенное тело, сбежала в неизвестном направлении и вынашивает планы мести. Значит, наши с ней дела еще не закончены, мы встретимся опять, и этот поединок произойдет в самое ближайшее время. Теперь мне предстоит постоянно держать ухо востро, ожидая грядущих несчастий.

Я не постеснялась озвучить свои мрачные мысли, изрядно напугав Ребекку и Беонира. Те непонятно почему чувствовали себя виноватыми. А я всего лишь оказалась чуть более наблюдательной или удачливой, чем они: успела заметить мелькнувшее в зеркале отражение. В противном случае я бы тоже выпила вино, и тогда с нами произошло бы такое, о чем подумать страшно... Я мотнула головой, отгоняя навязчивые картинки.

Мы собрали оставшуюся от ужина еду, заботливо упаковав ее в мешок, а также, к нашей огромной радости, нашли в домике немало разнообразной теплой одежды, пришедшейся нам впору. Надежно экипировавшись, мы решили, что вполне готовы к штурму перевала Косолапого Медведя, ведущего через Белые горы. Но перед тем как навсегда покинуть «Приют странников», нам пришлось выполнить одну скорбную обязанность...

Обернув одеялами останки лжеохотниц, мы вынесли их на задний дворик, оттащив к тому самому холмику, который заинтересовал меня еще вчера вечером. Как я и ожидала, под покровом свежеевыпавшего снега мы обнаружили трофеи, но отнюдь не охотничьи. Мельком взглянув на обескровленную плоть, лохмотьями свисающую с костей, я сразу поняла: здесь покоятся тела настоящих хозяек «Приюта странников», ставших добычей голодных гхалий, впоследствии принявших образ убитых женщин. Прочитав короткую погребальную молитву, мы похоронили несчастных близняшек, ставших невольным источником наших очередных злоключений.

Без зазрения совести мы присвоили снегоступы, висевшие на задней стене домика. Разбирая крепящиеся к ним ремешки, я наклонилась и случайно наткнулась взглядом на какие-то странные значки, начертанные на нижнем звене бревен, образующих сруб охотничьего домика. Сначала я не поверила собственным глазам, а потом мое сердце восторженно забилося, наполняя душу надеждой и верой в благополучный исход нашего трудного путешествия. Да, лжеохотницы мне соврали, теперь я знала это наверняка, ибо отыскала нечто, полностью подтвердившее правильность моих догадок. Мы находимся на верном пути, и этот путь ведет туда – за перевал Косолапого Медведя...

Полностью вступившее в свои права утро встретило нас хмурым небом, сплошь затянутым серыми облаками, пронизывающим ветром и мелкой противной моросью, чередующейся со снегом. В такую погоду меньше всего хотелось покидать теплый домик, но я во что бы то ни стало хотела отправиться в путь. Когда мы выходили со двора, уверенно ступая пристегнутыми к ногам снегоступами, Ребекка и Беонир вслух поразились тому, какой нескрываемой радостью горят мои глаза. Но друзья тщетно донимали меня вопросами – я только интригуяюще улыбалась и отрицательно качала головой, показывая: время раскрытия тайн еще не наступило.

– Человек может вынести все, – хихикнула я, – если его не остановить. Прошу вас, не останавливайте меня!

– Мазохистка! – беззлобно обозвала Ребекка, заботливо поправляя мой плащ. – Хроническая и внесезонная.

– Нам еще сильно повезло, что мы попали в горы ранней осенью, – с умным видом сообщил ниуэ, пристально вглядываясь в карту, найденную им в одной из книг города Ил-Кардинена. – Снега пока выпало мало, перевал открыт, а угроза схода лавин незначительная.

– Не каркай! – сердито хмыкнула лайил, предупреждая хлопая юношу по плечу. – Не забывай, беды бывают двух видов – когда не везет тебе и когда везет другим. Помни о благополучно сбежавшей от нас гхалии.

Беонир предпочел промолчать, не желая связываться с подругой и понимая, что любое его замечание приведет к очередной перебранке, никак не способствующей укреплению отношений между будущими супругами. «М-да, холостые мужчины не понимают, какое это

счастье – быть женатым! – красноречиво нарисовалось у него на лице. – Женатые, впрочем, этого тоже не понимают...»

Когда «Приют странников» остался позади, Ребекка властным жестом положила руку мне на плечо, затормозив тем самым мою поступь, напоминающую полубег:

– А теперь, малышка, давай-ка выкладывай, куда ты так несешься? И глазищи у тебя горят, словно факелы!

– Они существуют! – торжественно сообщила я, не скрывая переполняющей меня радости. – Крылатые эльфы действительно существуют, и они тоже проходили через этот перевал!

– Можно подумать, ты их своими глазами увидела! – опешила воительница.

– Увидела! – кивнула я. – Наклонившись к завязкам снегоступов, я случайно заметила полустертые от старости значки, нанесенные на нижнее звено сруба...

– Да ну? – не поверил Беонир. – А почему ты не показала их нам?

– Они пропали сразу же после того, как я сумела их разглядеть, – честно призналась я, вспоминая, что нечто подобное уже происходило: с запиской, выпавшей из переплета Первой Книги. – Видимо, там не обошлось без чар. Этот путеводный знак включал в себя начальную руну имени Эврелика и стрелку, указывающую в сторону перевала Косолапого Медведя. Догадываетесь теперь, кто мог оставить значки?

– Чародей Лаллэдрин, кто же еще! – заявила Ребекка. – Причем оставил именно для тебя, и только для тебя. Возможно, никто другой эти руны просто не увидел бы. – Она ухмыльнулась, довольная своей прозорливостью. – Такие секретные штучки-дрючки как раз по части эльфийских магов.

– Я с тобой согласен, – вдумчиво кивнул Беонир. – Остается надеяться, что этот знак не заведет нас в какую-нибудь ловушку.

– Не каркай! – в очередной раз проворчала Ребекка. – Не приманивай беду. А то с тебя, дурака, станется...

Я молчала, думая о чем-то своем и предоставив друзьям возможность препираться до бесконечности, изливая накопившееся нервное возбуждение. Мой магический потенциал еще не восстановился, изрядно подточенный ментальной атакой гхалии. Впрочем, не нужно быть чародейкой, чтобы с уверенностью предсказать: самые серьезные испытания нас ждут впереди. Каркай не каркай – а беда не спрашивает, когда ей прийти...

Глава 5

К полудню небо немного прояснилось. Снегопад прекратился, позволив нам откинуть надоевшие капюшоны, щекочущие лица, и чуть-чуть осмотреться. Видимость оставляла желать лучшего, ибо лучи Сола, отражающиеся от девственно-белого снега, слепили глаза, вызывая обильное слезотечение. По-прежнему дул холодный северный ветер, заставляя нас ежиться и плотнее кутаться в плащи и меховые куртки, найденные в «Приюте странников». Стараясь не сбавлять темп, мы ровным шагом пересекли лежащую у подножия Белых гор долину, то и дело поглядывая на перевал, хорошо различимый в дневном свете. Надписи на карте и слова мнимой Марэны морально подготовили нас к тому, что подъем станет нелегким.

Тропа, ведущая вверх, вилась вдоль больших валунов, которые волей-неволей заставляли задуматься об обвалах, столь нередких в горах. Наши ноги постоянно ушибались о мелкие камушки, невидимые под тонким слоем снега. Пальцами рук, замерзшими даже в перчатках, приходилось цепляться за скальные выступы. Ниуэ и лайил постоянно поддерживали меня, поскольку я несла завернутую в одеяло мантикору. Двигались мы медленно и с натугой, что идеально соответствовало нашему подавленному состоянию.

– Я все время думаю о тех адептах, что проходили эти испытания до меня, – решила я подбить своих друзей на болтовню, дабы развеять мрачное молчание. – Как им это удавалось?

– А я, если честно, не представляю, каким героем нужно родиться, чтобы выдержать подобное, – пожалала плечами Ребекка. – Кстати, вас, чародеев, в Блентайре не так уж много. Видимо, стать магом куда труднее, чем, к примеру, воином или охотником.

– А из чего складывается процесс обучения у воинов? – заинтересовалась я, стремясь хоть как-то отвлечься от терзающего меня холода. – Расскажи нам, пожалуйста.

– Расскажи! – тут же поддержал меня ниуэ. – А то ты вся такая загадочная.

– Загадочные женщины – это те, которые выходят замуж за гадов! – во все горло расхохоталась воительница, заставив своего нареченного обиженно надуть губы и отвернуться.

Словно извиняясь за грубую шутку, лайил снисходительно похлопала его по плечу и ударилась в откровения.

– Конечно, никто не посылает нас первым делом на полосу препятствий, – усмехнулась она, польщенная пристальным вниманием к своей неотразимой персоне. – Все проходит вполне обычно: тренировки по десять часов в день, однообразная еда, наряды по казарме... Пора ученичества пролетает стремительно, как быстротечный кошмарный сон. Ну сами понимаете, бег, стрельба из лука, верховая езда, рукопашный бой, снова бег – и так по кругу... В общем, ничего особо приятного.

– Зато ты такая сильная и смелая! – поощрительно улыбнулась я.

– Ах ты подлиза! – Воительница довольно щелкнула меня по носу, за что немедленно получила ощутимый клевок от Мифрил.

– Эй, а твоя крошка-летунья становится все сильнее! – Ребекка с притворным возмущением воззрилась на задиристую мантикору. – Не успеешь оглянуться, как она совсем богатыршей станет!

– Растет, – одобрительно улыбнулся Беонир. – Спустимся с гор – и пусть она идет сама. Ладно, Йона? Ей уже пора учиться твердо стоять на ногах.

– Договорились, – кивнула я, ощущая, как оттягивает руки изрядно потяжелевшая Мифрил.

Заночевать решили у самого подножия Белых гор. Припасенная еда оказалась питательной и вместе с тем невероятно вкусной. Хотя подозреваю, что столь голодные и уста-

лые путники, как мы, способны с аппетитом съесть даже жаркое из подошвы собственного сапога. Оставив меня обустроить лагерь, Беонир вместе с Ребеккой отправился на поиски дров, ведь ночи в горах куда холоднее, чем внизу, в долине. Они вскоре вернулись, неся в руках охапки прутьев и веток. Предусмотрительно связав хворост в вязанки, мы, наскоро поужинав, легли спать. Утром предстояло начать покорять перевал Косолапого Медведя.

Следующий день подарил нам дивное зрелище: облака, словно сделанные из розового пуха, и отсутствие снегопада. Дорога с самого начала забирала круто вверх, так что мы шли медленно, со страхом ожидая, что еще немного – и придется карабкаться на четвереньках. К полудню все трое взмокли и тяжело дышали, но перевал не собирался сдаваться так просто и, казалось, не приблизился ни на йоту.

– Да-а-а... – Ниуэ с сочувствием смотрел, как я, захлебываясь и обливаясь водой, жадно пью из фляжки, и разочарованно качал головой. – Таким вялым темпом мы будем подниматься наверх не меньше двух дней.

– Ты куда-то спешишь? – сердито буркнула воительница, которую собственная усталость только раздражала. – Торопятся только диарейные больные, в сортир.

– Не я, а Йона, – хладнокровно парировал юноша.

– Два дня – это ничтожно мало по сравнению со всей моей жизнью, – успокоила я обоих. – Просто продолжим идти вперед, а там будь что будет.

– Мой отец всегда именно так и говорил, – уважительно кивнул Беонир. – Делай что должно – и будь что будет. Пожалуй, ничего лучшего в такой ситуации и не придумать.

– Фаталисты, – угрюмо буркнула лайил, недовольно морща обветренный нос. – Здравомыслящие люди заботятся не о том, правильно ли они живут, а о том, долго ли они проживут. Между тем жить правильно – это всем доступно, а вот жить долго – мало кому.

– Не бойся, мы не умрем, – безмятежно улыбнулся Беонир. – Я это чувствую.

– А я чувствую только жуткий холод, – отрезала несговорчивая воительница, со вздохом сожаления поднимаясь на ноги. Она засыпала во фляжку свежую порцию чистого снега и убрала посудину в нагрудный карман. – Ладно, пошли уж.

Так мы и сделали, хотя дорога с каждым часом становилась все хуже. Кажется, надвигалась буря. Сильный, пронизывающий ветер дул навстречу, что замедлило наш и без того небыстрый шаг. С двух сторон над нами возвышались горные пики, и казалось – они неодобительно следят за наглечами, осмелившимися проскочить у них под носом. Ребекка и Беонир шли медленно, согнувшись под неимоверным грузом собранных ими дров. Из-за своих хрупких крыльев я могла нести сумку только на плече, другой рукой прижимая к себе Мифрил. Я старалась не думать о том, что становится все холоднее. Мы ужасно замерзли, хотя по нашим телам струился пот, вызванный труднопроходимой каменистой тропой, доступной лишь ловким горным козам. Ноги постоянно подворачивались, скользя на неровностях. Да, теперь-то мы прекрасно понимали, почему эту узенькую тропку называли перевалом Косолапого Медведя!

Ближе к вечеру мы начали оглядываться в поисках подходящего места для ночлега, но эти поиски обещали затянуться. Дорога все еще резко поднималась вверх, а по обе стороны от нее были разбросаны громадные валуны, темные от морозящего дождя, смешанного с крупными хлопьями липкого снега. Понимая, что через час на землю опустится непроглядная тьма и станет совсем ничего не видно, Ребекка решительно остановила нас с Беониром, все еще высматривавших свободную от камней площадку, и начала двигать валуны, расчищая пространство. Под этими камнями не росла трава, а лишь чавкала непромерзшая грязь. Но выбирать не приходилось. Мы расчистили небольшой пятачок земли и разожгли костер, используя драгоценное топливо, с таким трудом принесенное сюда.

Ночью мы по очереди вставали, дабы подбросить в огонь сучьев: темное время суток оказалось чрезвычайно холодным, и тепла наших плащей было недостаточно даже для

крошки Мифрил, клубочком свернувшейся под ворохом наваленных на нее одежек. Ветер выл и свистел на все лады, выкрикивая что-то неразборчивое, сильно смахивающее на угрозы. Судя по всему, он всерьез вознамерился не пустить нас на перевал, навечно похоронив среди камней и снега. Но в ответ я лишь упрямо стискивала зубы, готовая бороться с чем угодно: с ветром, холодом, мраком. Я не собиралась сдаваться!

Утро не принесло никаких улучшений. Небо постепенно наливалось тревожным красным светом, предвещающим приближение бурана, но мы не могли судить об этом точно из-за низко висящих облаков, беспрестанно изливавших на головы невыспавшихся и продрогших путников все новые порции влаги, смешанной со снегом. Завтракали молча, ибо резкий переход из теплой ранней осени в горный холод остудил наш пыл и не способствовал созданию хорошего настроения. Вскинув на плечи свои изрядно отощавшие мешки, мы продолжили восхождение.

Уже во второй половине дня обнаружилось, что тропа впереди завалена огромными базальтовыми обломками, а менее крутым подъем так и не становился. Тоскливо оглядев ожидавший нас путь, мы начали упрямо карабкаться на горную кручу, верхушка которой, кажется, упиралась в самые облака.

Мне все-таки пришлось пересадить Мифрил к себе за спину, дабы освободить руки и иметь возможность хвататься за обледенелые, скользкие камни. Но при этом я с затаенной гордостью ощущала, что маленькая мантикора не испытывает никакого страха, доверяя мне всецело и безоговорочно. Крепко вцепившись когтями в мою сумку и плащ, Мифрил не издавала ни одного протестующего звука, хотя тряска вряд ли пришлась ей по душе. Карабкаясь через перевал, я углубилась в свои мысли, мало обращая внимания на то, куда и как я ставлю руки и ноги, вдруг ставшие неловкими и ненадежными.

Терзаемая вполне обоснованными сомнениями относительно дальнейших намерений упущенной гхалии, я не заметила, что громадный валун, на который мы сейчас взбирались, порос старым мхом, размокшим и осклизлым от дождя и снега. Я слишком поздно осознала случившееся. Попыталась было удержать равновесие, но ноги соскользнули вниз. Меня отбросило назад, к уже преодоленным камням. Чисто инстинктивно я завалилась на бок, спасая крылья и позвоночник от удара. При этом моя левая нога неестественно выгнулась, но хруста кости я не услышала... Упав головой на самый нижний из камней, я ощутила острую вспышку боли и потеряла сознание.

Мой разум порхал на границе бытия и небытия, уподобившись легкокрылому мотыльку, летящему туда, куда подует ветер, или бестелесному духу. Не знаю, впала ли я в бред... Возможно, это был один из тех снов, опасаться которых мне настоятельно советовала эльфийская принцесса Лорейна. Она понимала, именно через сны к нам и приходит то жестокое прошлое, которое уже не изменить, и коварное будущее, требующее от нас слишком многого: жертв, уступок, подвигов, отречения от личного счастья во имя коллективного блага...

Во сне я увидела улицы прекрасного города, залитого яркими лучами дневного светила. Я узнавала и не узнавала Блентайр, утопающий в ликовании зимних праздников, окутанный пушистой снеговой шубой, украшенный сплетением заиндеветших ветвей деревьев. Да, это точно была эльфийская столица: во всей своей красе, на фоне густо-синего неба и розоватых снегов. Где еще можно найти такое бесподобное смешение архитектурных стилей и причудливых декоративных элементов? Рыже-коричневые островерхие храмы соседствуют с белотелыми дворянскими особняками; чугунные, все в завитушках, нарядные балконы – с хрустальной гладью окон строгой формы. Тут царят тишина, умиротворение и благодать. Да, этот сказочный мир чист, как его собственное отражение в замерзшем озере...

Картинка приблизилась и обрела четкость, являя мне фигурку девочки лет двенадцати. Она вприпрыжку бежала по одной из улиц столицы. Необыкновенно хорошенькая, наделенная классической эльфийской красотой. Тонкая в кости, с прямыми плечами и гибким станом; поступь одновременно легка и тверда; на смуглом лице с изящными бровями светились ярко-сиреневые глаза, а круто выющиеся волосы, спадающие ниже пояса, имели цвет черного меда. Когда она шла по улицам города, одетая в щегольскую шубку из белого меха, все встречные юноши шеи себе сворачивали, стараясь подольше глядеть ей вслед.

Девочка росла вольно, подобно дикой траве. Уже давно все заметили, что в ней гармонично сплелись редкостная утонченность и отчаянное свободолюбие, граничащее с дерзостью. Голос, чересчур выразительный для такой малышки, был звучен, как маленький серебряный колокольчик. И петь она научилась едва ли не раньше, чем говорить.

На мгновение мне показалось, будто я вижу себя в детстве, но заблуждение быстро развеялось: ну никак я не могла носить ни такие шелка и меха, ни золотую диадему, изукрашенную алмазами. Нет, та девочка явно принадлежала к королевскому роду, хоть и похожи мы с ней как две капли воды.

Мое сердце забилося еще сильнее: из переулка вдруг вывернул высокий, закутанный в черный плащ мужчина и подошел к девушке, старательно закрывая капюшоном лицо, словно стремился оставаться неузнанным. На секунду я заподозрила неладное. Но мужчина заговорил, и я тут же узнала его голос. Это был сьерр Никто.

– Здравствуй, принцесса! – ласково поприветствовал он. – Сегодня праздник, и я намереваюсь выполнить одно твоё желание. Выбирай, чего ты хочешь: самого прекрасного воина вашего королевства или счастье для всего Лаганахара?

– Я хочу и то и другое! – с ребячливым эгоизмом захлопала в ладоши прелестная девушка.

– Нет, милая Эврелика, это невозможно, – грустно пожурил принцессу сьерр Никто. – Ты должна выбрать что-то одно.

Девочка несколько минут стояла молча, размышляя, а приоткрыла алый ротик, чтобы сообщить свое решение...

Я изо всех сил напрягла слух, желая узнать выбор девочки. Так что же предпочтет Эврелика: любовь прекрасного воина Арцисса или счастье Блентайра? Какой-то частицей своей замирающей от любопытства души я была уверена: её выбор повлиял на будущее всего мира, связав его судьбы в единый тугой узел, сотканный из испытаний и страданий. Но вдруг мое сознание начало отрываться от чудесной картинки и проваливаться в темный омут. Я что-то кричала и размахивала руками, умоляя судьбу подождать и даровать мне еще минутку, ведь я так и не услышала самых важных слов, сорвавшихся с губ Эврелики... Но водоворот неясных образов закружил меня, словно плывущую по волнам щепку, и бросил куда-то далеко, возвращая к свету и жизни.

Я медленно приходила в себя. Очень болела голова, особенно затылок: казалось, что кто-то без устали колотит по нему множеством маленьких молоточков, стремясь добраться до мозга. Разобравшись в своих ощущениях, я поняла, что лежу на боку, а под меня подстелено что-то мягкое и теплое. Перед глазами серело бесформенное, расплывчатое пятно: сколько я ни моргала, оно не желало исчезать. Неужели я ослепла?.. Я в ужасе дернулась, сию секунду подняться, и тут же чьи-то заботливые руки осторожно поддержали меня, а затем уложили обратно.

– Как ты? – Надо мной склонилось встревоженное лицо Ребекки, и я с радостью поняла, что ранее перед глазами маячил всего лишь валун и паника была напрасной.

– Голова болит! – честно призналась я. – Все мутится и плывет. Тошнит, а во рту чувствуется привкус крови.

– Так ты еще и головой ударилась?! – в отчаянии воскликнула лайил. – Лохматый, нам срочно нужен холод.

– Здесь и так нежарко! – донесся до меня ровный голос Беонира, но за его внешним спокойствием я почувствовала с трудом сдерживаемую тревогу.

А вот Ребекка ее не заметила.

– Я понимаю, что тебе плевать на наши жалобы, ведь мужчины списывают такое на обычные женские капризы! Но Йона не обычная женщина, поэтому не стой, а помоги, чурбан! – голосила излишне возбудимая воительница, драматично заламывая руки.

– В первую очередь нужно зафиксировать ее поврежденную ногу, – чуть повысил голос юноша. – Пока я делаю лубки, ты можешь смочить любую тряпку в воде и приложить к ушибу на голове.

– Что с моей ногой? – внутренне сжавшись, спросила я.

Красное от волнения лицо Ребекки исчезло, сменившись контрастно бледными щеками Беонира. Он осторожно отвел растрепавшиеся волосы, упавшие мне на глаза, и тихонько пояснил:

– Мы не уверены, что это перелом... Может быть, всего лишь трещина в кости твоей правой лодыжки...

– Я не смогу идти?

– Только не сейчас, – дипломатично уклонился от точного ответа он. А потом собрался с силами и ободряюще улыбнулся: – Не волнуйся, все будет хорошо.

Я почувствовала, как Ребекка положила мне на затылок холодную мокрую тряпицу, и невольно поежилась. Пока воительница прилаживала компресс к моей голове, я попыталась определить, не повреждены ли крылья. Но спина не болела, и мне даже удалось немного ими пошевелить. «Значит, с крыльями все в порядке! – обрадовалась я. – Но вот моя нога...»

Услышав треск ткани, я слегка приподнялась на локте и увидела, что Беонир разрывает один из плащей на полосы и связывает их между собой. В этот момент рядом со мной снова очутилась лайил. Она дрожащими от волнения руками поправила повязку на моей голове и вдруг жарко зашептала на ухо:

– Ты ведь умеешь лечить... А саму себя ты можешь вылечить?

– Кажется, нет... Извини, но у меня совершенно нет сил. – Я едва не разрыдалась от острого чувства вины, затмевающего физическую боль, но вытянутая гхалией энергия еще не восстановилась. – Я сейчас не чародейка. И глаза все время закрываются...

– Не смей засыпать! – Я вздрогнула, услышав неприкрытый страх в окрике Беонира. – Тут слишком холодно. Ты можешь потерять сознание и даже умереть во время сна. Ребекка, ни в коем случае не разрешай Йоне засыпать!

Воительница сначала протестующе вскинулась, но быстро поняла, что он прав, и принялась тихонько обсуждать со мной мои ощущения, стараясь отвлечь меня от мыслей о сне. Но тут меня словно кольнуло.

– Мифрил! Что с ней стало? Она же сидела у меня за спиной... Что с ней? Надеюсь, я ее не придавила?

– Не волнуйся, – облегченно выдохнула Ребекка, и на ее губах появилась горделивая улыбка. – Она молодец. Ты знаешь, она полетела...

– Прости, но что она сделала? – недоуменно моргнула я.

– По-ле-те-ла! – внятно, по слогам повторила подруга, для наглядности комично помахав руками. – То есть она не упала вместе с тобой, а поднялась в воздух и закричала, подзывая нас. Честное слово, у нее это так здорово получилось...

Я озадаченно нахмурилась. Странно, ведь раньше наша маленькая мантикора не летала. Она просто неловко перепархивала с места на место, как, например, во время моего поединка с Найли. Так неужели моя малышка выросла?

– Мифрил взлетела... – задумчиво повторила я и, услышав загадочный шум, подняла глаза. На валуне сидела моя белая мантикора и с важным видом расправляла крылышки, самозабвенно курлыкая, словно пела победную песню.

– Она умница! – похвалил Беонир, заговорщицки подмигивая. – К тому же она не мешала нам, пока мы тебя поднимали и осматривали, а только кружила рядом в воздухе и ждала, пока ты очнешься.

– Мифрил... – Я вытянула руку вверх, и маленькая голова тут же сама наклонилась пониже, дабы мне было удобнее ее гладить. – Хорошая ты моя, взрослая ты моя...

– Ребекка, мне нужна твоя помощь, – ничего не выражающим голосом произнес Беонир, и я поняла, что своим обвинением в равнодушии воительница его обидела. – Держи ногу и прижимай к ней лубок так плотно, как сможешь. Йона, я буду бинтовать туго и, возможно, причиню тебе значительную боль. Прости меня заранее, ладно?

– Нашел за что извиняться! – Я почувствовала, как лайил крепко обхватила мою ногу и прижала в ней что-то длинное и выгнутое, кажется кусок коры. Беонир без промедления начал обматывать тканью травмированную конечность, привязывая к ней фиксирующий лубок, и я невольно закусила губу от боли, стараясь не стонать, – он действительно бинтовал туго. Закончив, юноша помог мне сесть и протянул фляжку с водой. Я же ощущала себя деревянной куклой, неповоротливой и беспомощной. На глаза навернулись слезы обиды: ничего себе Наследница трех кланов! Никчемная обуза, да и только...

– Что предпримем дальше? – будничным тоном осведомился ниуэ, тактично делая вид, будто не замечает моих слез.

– Ты о чем? – Ребекка, судя по ее интонациям, уже жалела о неосторожно брошенных словах, но гордость не позволяла ей взять их обратно. М-да... слова – это ключи. Правильно их подобрав, можно открыть любую душу и закрыть любой рот. И когда только Ребекка это поймет?

– Мы сейчас находимся в двух днях пути от «Приюта странников», где есть очаг и кровати и где мы сумеем позаботиться о Йоне гораздо лучше, нежели тут. Да в такие жгучие холода крыша над головой уже дорогого стоит. С другой стороны, если ориентироваться по нашей карте, то от выхода с территории Белых гор нас отделяет всего лишь один дневной переход. Так что же мы предпримем: вернемся назад или пойдем вперед? Предлагаю голосовать. Я – за то, чтобы спуститься и повторить подъем после полного выздоровления Йоны.

– А что скажет наша отважная воительница? – спросила я, скрывая печаль, вызванную словами юноши.

– Вот Тьма! – в сердцах буркнула Ребекка. – Ну и выбор, чтоб его мантикора три раза переварила! Хорошо, Йона, я поддержу тебя, что бы ты ни выбрала. Но, между прочим, блохастый все правильно говорит...

– Сколько срастается сломанная кость? – Я задала этот вопрос в пустоту и сама же на него ответила: – Процесс заживления может длиться больше месяца. А затем еще несколько дней мне будет дико больно ступать на ногу, я буду хромать и передвигаться крайне медленно, словно черепаха. Но что значит боль, если у нас и так почти не осталось времени? – Я прислушалась, физически ощущая, как где-то там, уже не очень далеко от нас, затухают удары Колокола Судьбы, отмеряя последние дни жизни Лаганахара. – Нет, я не могу останавливаться и тем более поворачивать назад! У меня просто нет на это права. А значит, мы идем вперед. Ну пожалуйста! – Я жалобно посмотрела на своих друзей. – Как вы этого не понимаете? – Я почти кричала от отчаяния.

– Да все мы понимаем! – проворчала Ребекка и слезливо суксилась, то ли от жалости ко мне, то ли от жалости ко всему миру. – Но мы также понимаем, что ты жертвуешь собой ради всех нас...

– Кажется, я еще не говорил тебе, что ты очень смелая девушка? – с уважением улыбнулся Беонир. – Но помни, что обратная сторона смелости – это вовсе не трусость, как полагают некоторые, а безрассудство. Например, в той ситуации, когда человек лезет в реку в двух шагах от моста. Я верю, что ты смелая, но не безрассудная, Йона. Будем считать, ты меня уговорила: заночуем здесь и утром продолжим восхождение.

С этими словами он поднялся, высмотрел подходящее для ночлега место, относительно сухое и чистое, завернулся в плащ и лег, повернувшись к нам спиной. Через несколько секунд до нас донеслись размеренные звуки его глубокого дыхания, свидетельствующие о том, что Беонир погрузился в сон. Его самообладание просто восхищало.

Мы с Ребеккой продолжали сидеть возле слабого костерка, подбрасывая в него скудные порции топлива, достаточные для того, чтобы огонь не потух.

– Ну и чего, спрашивается, он надулся? – недоуменно вздохнула Ребекка, устраиваясь неподалеку от меня и прикорнувшей рядом Мифрил. – Я же не хотела его обидеть.

Я молчала, размышляя о женской мудрости, столь редкой в нашем мире, а потому чрезвычайно ценной. Мудрая женщина не опускается до склок, ибо понимает, что самое главное – это чувство собственного достоинства. Она избегает знакомств, ведущих к беде, и держится подальше от мужчин, которые пытаются подчинить ее себе или причинить боль. Мудрая женщина умеет отличать потенциального партнера от потенциального разрушителя своей жизни. Она понимает и чувствует разницу между проявлением мужской и женской инициативы. Знает, что любовь и страдания не одно и то же. Не упрекает слезным тоном, не стремится показать мужчине, как она несчастна из-за него. Мудрая женщина знает, что мученица непривлекательна, от нее хочется избавиться. Она не считает любимого своей собственностью. Возлюбленный, который волен уйти, когда ему захочется, всегда возвращается. Возлюбленный, который свободен в своих чувствах, всегда остается рядом. Мудрая женщина помнит: достойного ее мужчину не придется спасать. Ему не нужно помогать найти самого себя, у него нет незаживающих сердечных ран, которые ей предстоит залечить. Такая женщина не бывает подозрительной, ведь это быстро надоедает. Она неревнива, ибо ревность возникает лишь там, где чего-то недостает. Она умеет дарить себя – и делает это бескорыстно, не навязываясь и не играя чувствами. И мне очень хотелось верить, что со временем Ребекка поймет элементарные истины и станет по-настоящему мудрой женщиной!

Вскоре непроницаемое покрывало ночи полностью укрыло Белые горы, и я очутилась в царстве сонного сопения. Доверчиво привалившаяся к моему боку мантикора грела похлеще раскаленной печки. Мое сердце буквально разрывалось от недобрых предчувствий, прогоняя прочь сон, столь необходимый мне сейчас и способный подлечить мою травмированную ногу. Замерзнуть я уже не боялась, согретая исходящим от Мифрил теплом. Над перевалом всюду свирепствовал все-таки нагнавший нас буран. Он засыпал снегом растянутый между камнями плащ, выполняющий роль импровизированного укрытия. Зафиксированная в лубок нога мешала мне устроиться поудобнее, голова болела, а мысли путались. Эта выюжная ночь показалась очень долгой, став еще одним незапланированным испытанием, истомившим душу и истерзавшим тело. Очень хотелось хотя бы на часик забыться, отвлечься и плюнуть на все проблемы. Да, но где бы взять столько слюны?..

Утро наступило, когда я уже совсем отчаялась пережить эту ночь. Завтракали в молчании. По окончании трапезы Беонир нагнулся, легко поднял меня на руки и зашагал в сторону каменной насыпи, преграждающей спуск с перевала, оставив растерянную Ребекку в окружении сумок, дров и Мифрил, которая, впрочем, мгновенно взмыла в воздух и на бреющем полете последовала за ниуэ.

Меня еще никто в жизни не носил на руках, причем так бережно и заботливо, а поэтому вскоре я закрыла глаза и задремала, думая, что никогда не сумею отыскать подходящих слов,

дабы отблагодарить искренне пекущегося о моем благополучии юношу. Ребекка, нагруженная вещами, словно ломовая лошадь, плелась позади, терзаемая переживаниями за мое здоровье и неким подобием раскаяния перед Беониром. Но когда после торопливого обеда юноша собрался снова подхватить меня на руки, она строптиво уперла руки в бока и решительно преградила ему дорогу.

– Теперь моя очередь нести Йону, – категорично заявила лайил, коротким жестом отменяя любые возражения. – И хватит делать вид, будто меня тут нет, а вместо этого у вас появилась безмозглая тягловая ослица!

Услышав последние слова своей прямолинейной возлюбленной, ниуэ не смог сдержать улыбки.

– Никогда не думал, что ты настолько самокритична, – хмыкнул он, собирая мешки и оставшиеся после ночевки дрова. – Но в тот раз...

Лайил уже ловко подхватила меня за талию и под коленки, но обернулась и, бросив на жениха раскаивающийся взгляд, виновато потупилась.

– Я была неправа, Беонир. Прости меня. Идем! – И воительница тронулась в путь.

Юноша последовал за ней только через некоторое время, в течение которого он стоял и улыбался счастливой улыбкой, блаженно таращась ей вслед. Я же прикусила губу и постаралась ничем не выдать своего восторга и изумления. Подумать только, за все время их знакомства воительница впервые назвала его по имени!

– Как твоя голова? – поинтересовалась Ребекка.

– Почти прошла. Думаю, можно убрать эту противную мокрую тряпицу с моего затылка. Меня больше волнует нога.

– Болит?

– В том-то и дело, что нет. Я не могу понять, сломана ли она.

– Йона, послушай... – Нас нагнал торопливо бегущий вприпрыжку Беонир. – Может быть, приготовить какое-нибудь снадобье?

– Нет, для сращивания костей даже самой себе у меня пока недостаточно опыта. Это очень сложно... Вот если бы нашелся еще один чародей, то... – Я поспешно оборвала незаконченную фразу и примолкла, понимая всю абсурдность этого желания.

– Значит, остается крепиться и верить в лучшее! – бодро кивнул ниуэ. – Если не снизим темп, то к ночи покинем перевал и...

– И прикуси свой болтливый язык, – с угрозой в голосе посоветовала лайил, перебивая увлеченного оптимистичными прогнозами юношу. – А то ты вечно хочешь как лучше, а получается как всегда.

– Откуда знаешь? – недоверчиво покосился юноша, не склонный сразу соглашаться с резонными доводами своей подруги.

– Женская интуиция! – многозначительно хмыкнула та и выразительно пошевелила пальцами, давая ему понять: «Не болтай, а топай давай».

Я хмыкнула, забавляясь смятением, мгновенно нарисовавшимся на загорелом лице нашего проводника. Да, Беонир часто ошибается, но о чем мы будем вспоминать в старости, если не об ошибках молодости? К тому же пресловутая женская интуиция – это поразительное чутье, которое подсказывает женщине, что она права всегда, независимо от того, права ли она на самом деле.

Я испытующе взглядела в лица своих друзей. Беонир казался почти счастливым, если не считать вполне очевидного беспокойства за меня, а Ребекка выглядела сосредоточенной. Но теперь во всем ее облике присутствовала некая умиротворенность, словно потайные частицы ее души обрели гармонию и пришли к согласию друг с другом. Похоже, эти двое наконец-то сумели создать целостный мир внутри себя.

В течение этих дней окружающий пейзаж не изменился ни на йоту. Снегопад приобрел затяжной характер. Мы имели сомнительное удовольствие наблюдать все те же вздымающиеся над нашими головами горные пики и базальтовые валуны всех видов и размеров, между которыми каким-то чудом сумела прорасти редкая жухлая трава. Небо превратилось в сплошное туманное море. Я так и не смогла найти объективное объяснение столь странному природному явлению. Грузные, уродливые облака постоянно извергались дождем со снегом. Единственное, что радовало, – отсутствие сильного ветра.

Но теперь, со сломанной ногой, я уже не могла получать от нашего путешествия хоть какое-то, даже самое минимальное удовольствие. Я постоянно думала, что еще весьма не скоро смогу ходить с прежней скоростью, а ведь где-то там, впереди, меня ждет четвертое испытание. Я напрасно мучилась догадками, пытаюсь понять, в чем оно заключается. Каждая новая идея казалась мне еще менее реальной, чем все предыдущие. А если этот завал окажется непреодолимым и нам придется карабкаться выше? Искать обходной путь высоко в горах? Я ведь понимала, что при отсутствии хотя бы мало-мальски проходимой тропы никто из друзей не сможет передвигаться по склону горы, неся на руках мое беспомощное тело. Зря мы понадеялись на сомнительный принцип разумного пофигизма, который до этого ни разу не подводил и помогал благополучно выпутываться из передряг. Как говорится, если хорошее длится слишком долго, то оно приедается и переходит в разряд обычного. Похоже, все хорошее уже закончилось, ибо Беонир и Ребекка окончательно выдохлись, растратив последние силы, оказавшиеся далеко не безграничными.

– Смотрите, вот отличное место для небольшой остановки. – Беонир, не сводивший с Ребекки озабоченного взгляда, вовремя подметил очевидные признаки усталости, проявившиеся на ее лице. – Давайте присядем, отдохнем и глотнем воды.

Мы немного передохнули и снова пустились в путь, практически на ощупь бредя в сгустившемся тумане, плотном и белом, как парное молоко. В какой-то момент лайил склонилась почти к самому моему уху и спросила едва слышным, интимным шепотом:

– Я была с ним не слишком любезна все это время, да?

– Ага, – признала я. – Но он такой милый, что спускает тебе подобное поведение.

– Это-то меня и пугает, – призналась девушка. – А если он считает меня... Считает меня просто ворчливой дурой, на придирки которой и обижаться смешно? Тогда он, наверное, передумает на мне жениться?

– Я уверена, что он не считает тебя дурой, Ребекка, – с жаром принялась доказывать я. – А вот на счет придинок... Люди зачастую одиноки лишь потому, что строят стены вместо наведения мостов.

– Я понимаю. Постараюсь поменьше язвить и огрызаться, – пообещала Ребекка скорее самой себе, чем мне.

Да... Если бы ниуэ услышал наш диалог, он бы почувствовал себя еще более счастливым.

В сумерках идти стало труднее, но, когда Беонир предложил сменить Ребекку, та покачала головой и выдавила некое подобие вымученной улыбки.

– Я попробую идти сама, – решительно заявила я и потребовала, чтобы воительница поставила меня на землю. Этот край манил меня и звал, предлагая нечто странное, пока скрытое в пелене тумана... Нога немедленно отозвалась глухой, но вполне терпимой болью. Я вытянула из вязанки дров, которую нес Беонир, тонкую, но прочную палку и неловко заковыляла, опираясь на импровизированный костыль. Затрудняюсь точно описать свои ощущения, но магия будто витала вокруг нас, подпитывая свежими силами. Мы явно приближались к чему-то чрезвычайно необычному.

– Но как такое возможно? – изумилась лайил, а ее густые брови недоуменно изогнулись, образовав забавный домик.

Я неопределенно пожала плечами, не находя нужных слов. Внутри меня словно сжалась затаенная пружина, только и ждущая подходящего момента, чтобы высвободить нечто важное и жизненно необходимое.

– Чудеса! – развел руками потрясенный Беонир, обрадованно взирая на мои шажки вприпрыжку и гримасничающее лицо. – Наша Наследница опять живет всех живых!

– Не мели чепуху, лучше ищи выход с перевала, будь он неладен. Мне надоело спать и чувствовать, как небеса все время испражняются на мое лицо, – фыркнула Ребекка, исподтишка показывая ему кулак.

Юноша свернул с тропы и принялся внимательно оглядывать скалы, ища выход из тесного горного ущелья. Мы с Ребеккой присели на небольшие камни, дожидаясь возвращения ниуэ. Мифрил, продержавшись практически весь день на лету, совершенно вымоталась. Она спустилась вниз, заползла под предложенное ей одеяло и теперь сладко посапывала у меня на коленях. Все мы уже утратили прежнее неистовое желание идти вперед, а ощущали лишь пустоту и оцепеняющую, безысходную усталость, граничащую с отчаянием. Кажется, мы заблудились в этом треклятом тумане, противоестественно теплом и душном, неизвестно откуда взявшемся посреди Белых гор, засыпанных снегом. Выхода отсюда мы, наверное, уже не найдем никогда...

Неожиданно до нас донесся громкий крик Беонира:

– Скорее идите сюда!

Я вскочила, подхватила сердито пискнувшую Мифрил, и мы с Ребеккой побежали-поковыляли на этот зов, совершенно не ориентируясь в непроглядной мгле. Беонир продолжал выкрикивать бессвязные, лишённые смысла слова вроде «умопомрачительно» и «невероятно». В какой-то момент мы вынырнули из туманной пелены, закончившейся слишком резко, и увидели то, что заставило нас оторопело замереть на месте...

Выяснилось, что мы стоим на небольшом утесе, являющемся конечной точкой перевала Косолапого Медведя. Этот выход из Белых гор можно было обнаружить лишь в случае большого везения, ибо он надежно скрывался среди тумана и снега, оставаясь величайшей тайной ведущего к нему ущелья, узкого, со множеством ответвлений, заканчивающихся тупиками. Наверное, многие путники, побывавшие здесь до нас, тоже его искали, безуспешно блуждая в густом тумане, но в итоге возвращались ни с чем, так и не обнаружив чудесный край, что расстился сейчас перед нами. Возможно, они превосходили нас умом и смелостью, но капризная удача улыбнулась именно нам, четверым измученным долгим походом странникам, предоставив еще один шанс выжить и совершить нечто важное, ставшее целью долгого пути. Но мы не догадывались о том, что, когда сбываются самые заветные мечты, рано или поздно судьба предъявляет счет...

Ночь неслышно спустилась на землю, принеся с собой тишину и бархатные синие сумерки. В свете неярких лучей Уны склоны Белых гор казались дивно хрупкими и серебристо-белыми, словно бесценный эльфийский шелк. Внизу, под нашими ногами, расстилась обширная долина, по дну которой протекала небольшая речка, берущая начало между скал высокой горной гряды, виднеющейся впереди.

– Запретные горы! – уверенно произнес Беонир, даже не заглядывая в карту.

Я согласно кивнула, понимая, что ошибиться тут невозможно. Мифрил возбужденно закопошилась у меня на руках, вывернувшись из опутывающего ее одеяла и поднялась на крыло, скрывшись в туманной дымке, курящейся над долиной. Я одобрительно усмехнулась: любопытство преважилось усталости и подтолкнуло мантикору к новым приключениям. Кажется, в этом наши характеры совпадают.

Русло низвергающейся с Запретных гор реки сдавливали две скалы, формируя узкую горловину, из которой вода с ревом обрушивалась вниз, образуя красивый водопад, окру-

женный клочьями белой пены, летающей в воздухе. А выше, над водопадом, свет Уны разбивался о камни, дробясь на поверхности скал и рассыпаясь мириадами ярких блесков: горы изобиловали вкраплениями розового кварца, придающими им облик стройных стеклянных колонн.

— Как красиво! — восторженно ахнула Ребекка, любуясь этим нереальным зрелищем. — Воистину сказочный край. Кто же здесь живет?

— Эльфы! — без малейшего сомнения определила я и начала неловко спускаться по едва заметной тропке, змеящейся между камнями. Шокированные этой версией, друзья последовали за мной, не выразив ни малейшего протеста. Да, сейчас мы явно не нуждались в словах, нас обуревали эмоции. Очень страшно и волнительно осознавать тот факт, что ты наконец-то достиг земли обетованной и вновь обрел детскую, давно утраченную сказку.

Глава 6

Ночь мы провели возле речной заводи, наслаждаясь теплым паром, поднимающимся над бурлящей водой. Мои друзья спали, а я сидела на поросшей мягким мхом кочке и купала свою больную ногу, уверенная в лечебных свойствах воды горной реки. Разные нерешенные вопросы, терзавшие меня ранее и образующие кусочки сложной разрозненной головоломки, неожиданно встали на свои места, сложившись в целостную и вполне логичную картину. Теперь я знала, как сумели выжить Полуночные эльфы, изгнанные из родного Блентайра. И следовало признать, на деле все оказалось намного проще и банальнее, чем я предполагала...

Проиграв людям битву у Аррандейского моста, остатки разбитого клана Крылатых эльфов покинули столицу и отступили к Зачарованному берегу. Они унесли с собой тело погибшего в бою короля Арцисса, а также его стилет, потеряв при отступлении два парных меча, Лед и Гром. Эльфов вели чародей Лаллэдрин, верный королевский оруженосец Овэлейн и безутешная Эврелика, на тот момент уже беременная сыном от своего скончавшегося возлюбленного. Очевидным стало и то (конечно, если мой недавний сон соответствовал реальности), что Эврелика все-таки задумалась о благе Лаганахара и поступилась собственным счастьем, еще в детстве жертвенно отказавшись от уготованной ей любви. Этот печальный выбор внушал мне искреннее восхищение, попутно наполняя душу предчувствием грядущей беды. Неужели мне предстоит повторить трагическую судьбу Эврелики, внучкой которой я являюсь?

Полуночные эльфы беспрепятственно достигли Эррендера, столицы Зачарованного побережья, но не остались в твердыне своих родичей, опасаясь навлечь на них гнев преследователей. Они похоронили в море своего погибшего короля, а его стилет возложили на алтарь в храме бога Шарро. Мудрая Эврелика добавила к клинку еще и последнее яйцо мантикоры, трепетно ею сбереженное. Впоследствии обе эти реликвии попали к жрецу бога Шарро, переодетому в старьевщика, а позже – ко мне. Стремясь отыскать место, где можно было бы надежно защитить остатки почти истребленного клана, Полуночные отправились дальше, на север. Совсем недавно я повторила их путь и могла с уверенностью сказать: эльфы преодолели Черные холмы, Лиднейское болото и негостеприимную степь. Они не погибли в Пустоши, а достигли Белых гор и прошли через перевал Косолапого Медведя, начертав тайный знак на стене «Приюта странников». Скорее всего, многие из них погибли в пути, не выдержав лишений, холода и голода. Их осталось очень мало, но они не заблудились в горах лишь потому, что некогда король Арцисс подарил своей прекрасной невесте Эврелике один пустячный и бесполезный, казалось бы, подарок, который в итоге спас его народ.

Утро безудержно расплескалось в небе, окрасив его в прекраснейший лазоревый цвет. Я выбросила в кусты совершенно размокший лубок, ставший ненужным, и требовательно пихнула похрапывающую Ребекку, совсем разомлевшую и заспавшуюся. Возле разведенного костерка исходила ароматным паром жареная рыба, подманенная в тихой речной заводи и приготовленная мною, и призывно алела сорванная с куста малина, крупная и спелая. Пробудившаяся раньше всех Мифрил жадно схватила самую крупную рыбину и принялась отрывать от нее большие куски, ловко орудуя своим изогнутым клювом.

– Даже не верится, что мы смогли сюда добраться! – воскликнула лайил. Плотно позавтракав, она нежилась в теплой воде. – Сто лет ванну не принимала! – Она терла плечи мыльным корнем и выглядела абсолютно счастливой. – Благодарь!

– А как твоя нога? – осведомился Беонир. Скрючившись, он присел чуть поодаль и стыдливо прикрывал наготу огромным листом кувшинки. С его до скрипа отмытых волос стекала вода.

Свои свежевystиранные одежды мы разложили на прогретых лучами Сола камнях, дожидаясь, пока ткань просохнет. Я, завернутая в распущенные крылья, довольно улыбнулась:

– Зажила. Кстати, в этой долине сконцентрировано очень много магии, поэтому ее и не затронуло смертоносное дыхание Пустоши.

– Интересно, – задумчиво протянула ффривольно разлегшаяся на мелководье лайил, – а каким образом эльфы сумели найти это дивное место? Неужели удача сама приплыла к ним в руки?

Беонир молчал, увлекшись разглядыванием округлых ягодиц своей нареченной, пикантно виднеющихся в прозрачной речной воде. Я залиvisto рассмеялась, наслаждаясь ничем не омраченной беззаботностью нашего нынешнего положения.

– Не выдумывай. Само к тебе в руки может приплыть лишь нечто совсем не тонущее! – грубовато пошутила я.

Ребекка согласно ффркнула и, забывшись, перевернулась на спину... Беонир охнул от неожиданности, а затем крепко зажмурился, почти ослепленный видом открывшихся ему прелестей. Воительница смущенно ругнулась и отплыла на глубину, покраснев как вареный рак.

– Дар любви! – подсказала я, отсмеявшись. – Помните, я о нем уже говорила?

Друзья синхронно замотали головами, сетуя на свой преждевременный склероз.

– Судьбоносные события нашей жизни базируются отнюдь не на подвигах и громких деяниях, – увлеченно философствовала я, зарываясь босыми ступнями в теплый речной песок, – а на обыденных мелочах и милых малозначительных пустяках. Некогда три великих короля ударились в ребячество, увлекшись резьбой по дереву. Об этом нам рассказывал король Адсхорн. Можете мне подсказать, какие конкретно безделушки они изготовили? – Я поддразнивающе усмехнулась, испытывая память своих друзей.

– Адсхорн вырезал гребень, который подарил своей возлюбленной Сильване! – блеснула знаниями Ребекка.

– А король Джозл смастерил седло, – осуждающе нахмурился ниуэ. – Словно в насмешку доставшееся королю Арциссу.

– А что же создал сам Арцисс Испытатель? – лукаво спросила я.

– Не помним! – виновато сообщили жених и невеста.

– И зря! – мягко пожурела я. – Ибо Арцисс вырезал из дерева то, что изначально сочли бесполезной безделицей, грубой и никчемной. Он вырезал посох!..

– И что? – нетерпеливо спросила Ребекка, так до сих пор и не вникшая в ход моих мыслей.

– Не знаю почему, но Эврелика не бросила подаренный ей посох, – вслух размышляла я. – Возможно, он напоминал ей об уходе за королем, а возможно, она хотела сбросить эту вещь для своего будущего ребенка, лишённого отцовского наследства. Хотя также не исключено, что она была очень прозорлива и чувствовала скрытую в посохе силу. Ведь именно он и помог ей спасти остатки своего народа.

– Посох? – ахнула лайил. – Обычная деревяшка?

– Ага! – плутовато подмигнула я. – Он самый!

– Шутишь? – недоверчиво округлил рот Беонир. – Палка, опора при ходьбе. И как она могла помочь эльфам дойти досюда?

– Король Адсхорн упоминал, что этот посох был необычным, – напомнила я. – Он обладал способностью указывать на теплую воду, скрытую в почве. Мягкий климат долины

объясняется горячими источниками, во множестве бьющими из-под земли именно в этой огражденной горами котловине. С помощью посоха короля Эврелика нашла путь в долину и спасла свой народ от гибели, обнаружив идеальное место для создания нового дома Полуночного клана.

– Значит, так они и спаслись, – удивленно протянула Ребекка, барахтаясь в воде. – Подумать только... Йона, так ты полагаешь, что этот край и ныне населен покинувшими Блентайр эльфами?

Я собиралась дать утвердительный ответ, но не успела этого сделать, потому что наших ушей вдруг достиг слабый, исполненный боли зов.

– Спасите! – умолял молодой женский голос. – Помогите, во имя Неназываемых! Я умираю...

– Вот те раз, вот те два! – Нижняя челюсть потрясенного Беонира отвисла. – Опять? А вам не кажется, что однажды мы уже слышали подобную просьбу о помощи?!

Мы растерянно переглянулись и, не сговариваясь, бросились одеваться, совершенно забыв о стыдливости и впопыхах натягивая едва просохшую одежду.

К нашему великому облегчению, бежать пришлось недалеко. Преодолев невысокие холмы, обильно поросшие молодым ивняком, мы очутились на укромной лужайке, со всех сторон окруженной густыми зарослями орешника. Мягкая трава скрадывала шаги, позволяя двигаться бесшумно. В отличие от речного берега, буквально переполненного всевозможной беззастенчиво шуршащей, пищущей и квакающей живностью, полянка пребывала во власти идеальной, какой-то обреченной тишины, пропитанной флюидами страха и отчаяния. И лишь один звук регулярно нарушал кошмарное безмолвие этого места – громкий женский голос, взывающий о помощи. Точнее, истощенный вой... Крики доносились из крохотного шалашика, установленного в центре лужайки.

– Орет! – с беспокойством констатировала Ребекка, чутко замирая на границе орешника. Она рукой раздвинула развесистые ветви и боязливо выглянула на полянку. – Женщина орет, причем так, будто ее заживо на куски режут!..

– Там кого-то убивают! – нахмурился Беонир, на всякий случай удерживая невесту за плечо и не пуская дальше. – Вроде бы нужно помочь... А с другой стороны, она и вправду кричит так ужасно, что туда и соваться боязно! Пойдем или не пойдем?..

Ниуэ и лайил вопросительно уставились на меня, ожидая решения. Бойкие, склочные и хулиганистые, в любой критической ситуации они тушевались и без возражений уступали мне лидирующую позицию, полагаясь на мою уже неоднократно оправдавшую себя объективность и завидную интуицию. Впрочем, я и сама уже заметила, что стать настоящим командиром способен не тот, кто громко выступает, а тот, кто говорит тихо и редко, но всегда по делу.

– Пойду я! – категорично заявила я, безапелляционной интонацией сразу же пресекая возможные возражения. – А вы отползете в кусты, успокоитесь и не станете мне мешать.

– Еще чего! – вскинулась было Ребекка, но Беонир весомо возложил свою лопатообразную ладонь на затылок воительницы и ткнул ее лицом в траву, заставляя замолчать. Девушка удивленно дернулась и замерла, подчинившись его воле. Я восхищенно расширила глаза. Кажется, весы субординации начали склоняться на сторону Беонира. Ну или ему просто надоело потакать капризам своенравной воительницы. М-да, выходит, и дама сердца может однажды застрять в печенках!

– Молчи! – лаконично приказал юноша. – Пойми, мы вступили на территорию эльфов, а значит, нам лучше слушаться ту, которая по сути родства способна понять и предугадать их поступки.

Ребекка недовольно зашипела, но не осмелилась протестовать. Она выплюнула попавшую в рот траву и заискивающе улыбнулась, признавая правоту жениха.

– Да, я сильная, – полушутливо сообщила она, проявляя потрясающую самокритичность. – Да, я смелая. Но иногда – пришибленная на всю голову.

Ниуэ улыбнулся и ласково погладил воительницу по волосам. Возможно, он тоже знал, что мудрая женщина никогда не возводит стену, защищаясь от ветра, – она строит ветряную мельницу.

– Это кричит женщина... – заговорила я, но Ребекка вывернулась из-под руки Беонира и язвительно фыркнула:

– Слышим, что не мужчина!

– Рожаящая женщина, – невозмутимо продолжила я. Лицо лайил вытянулось. – При чем дела ее складываются самым незавидным образом. Роженице нужна помощь целительницы. Я пойду к ней одна, дабы не пугать, она и без того в панике. А от вас требуется просто не мешать...

– Поняли, не дураки! – слаженным дуэтом отозвались друзья и ловко ретировались в кусты.

Я тотчас поднялась на ноги, выпрямилась во весь рост и, уже не скрывая своего присутствия, неспешно зашагала к шалашу, сопровождаемая безмерно любопытной Мифрил.

Пригнувшись, я просунула голову под переплетение ветвей и осторожно заглянула в глубь шалаша. Сначала не разглядела ничего, постепенно привыкая к царящему внутри полумраку. Но вскоре мои глаза полностью адаптировались к неяркому зеленоватому свету, проникающему сквозь листья, и я увидела женщину, которая, тяжело дыша, свободно распростерлась на ароматной, сделанной из цветов, подстилке. Ее огромный, тугой, словно барабан, живот безошибочно подтвердил мое предположение – женщина готовилась произвести на свет ребенка, причем сам процесс родов уже минул стадию потуг и перешел в финальную фазу. Похоже, дело застопорилось: судя по багровому от напряжения лицу незнакомки и ходящему ходуном животу, ребенок шел неправильно, застряв в родовых путях. Очевидно, схватки становились все более частыми, но не приносили ожидаемого результата, подтачивая силы роженицы и причиняя ей чудовищную боль. Боюсь, все это могло закончиться очень плачевно.

Мифрил протиснулась мимо меня, пролезла в шалаш и уткнулась клювиком в судорожно сжатый кулак роженицы, всем своим видом выражая огорченное бессилие. Пребывающая в полузабытии женщина открыла глаза и испуганно вскрикнула.

– Смилуйся надо мной, Шарро! – жалобно застонала она. – Неужели ты обрек меня на смерть и прислал за мной белую мантикору, которая вознесет на небо мою душу? – Тут она заметила меня и приподнялась на локте, готовая бежать прочь. Но ни сил, ни возможностей для этого не имелось. – Кто ты, девушка? – спросила она дрожащим от волнения голосом, второй рукой придерживая свой тяжелый живот. – Если ты пришла, чтобы навредить мне и моему сыну...

– Я пришла, чтобы помочь вам! – успокаивающе улыбнулась я и положила ладонь на лоб страдальцы, творя чары холода. Почувствовав облегчение, связанное с уменьшением сжигающего ее жара, женщина благодарно улыбнулась, сразу проникшись расположением ко мне. – Ведь вы же сами просили о помощи? – напомнила я, умело ощупывая ее живот. В своих действиях я руководствовалась знаниями, почерпнутыми из Первой Книги, найденной мною в эльфийском Лазарете.

– Ты чародейка! – уверенно опознала роженица. – Человек? – Она нервно вздрогнула, но тут же смирив свои эмоции, показывая тем самым, что перед лицом смерти все равны. – А впрочем, какая разница...

– Никакой, – согласилась я, стараясь ничем не выдать своего восхищения этой смелой женщиной, любой ценой старающейся спасти свое еще не рожденное дитя. – Ибо милосердие не имеет расовой или клановой принадлежности, а распространяется на всех.

– Ты права, – обрадовалась женщина. – Значит, пресветлый бог Шарро услышал мои мольбы и прислал тебя. К несчастью, у нас в Дархэме нет целительниц, а мужчинам-магам запрещено присутствовать при родах венценосных особ!

– Глупый закон, – сердито буркнула я, решив отложить на более подходящий момент вопросы относительно упомянутого Дархэма. – Впрочем, поговорим об этом позже. – Я внимательно оглядела потный лоб роженицы, ее расширенные, полные муки глаза, услышала дико частящий пульс и мгновенно поставила диагноз: – Ваш ребенок застрял на выходе из чрева и сейчас задыхается. Если вы будете послушной и беспрекословно выполните все мои рекомендации, мы еще сможем спасти и его, и вас. А если нет... – Я красноречиво развела руками.

– Сделаю все, что скажешь, – послушно ответила роженица. – Приказывай, целительница.

– Я возьму на себя вашу боль, – пообещала я, крепко ухватив женщину за запястье, – чтобы вы смогли собраться с духом и вытолкнуть из себя дитя. Но лишь в тот миг, когда я вам прикажу, не раньше и не позже. Если вы нарушите это условие, то умрете... Умрете не только вы, но и ваше дитя – от недостатка воздуха, и я – получив откатный удар моей магии. Готовы ли вы рискнуть?

– Ты жертвуешь ради меня своей жизнью? – не поверила женщина, вцепившись в мои пальцы. – Но почему? Зачем?

– Я чувствую, что этот ребенок чрезвычайно важен для вашего народа! – призналась я. – Вернее, – я откинула капюшон плаща, прикрывающий мою голову, и показала роженице свои остроконечные уши, точно такие же, как у нее самой, – для нашего народа!

– О, так ты эльфийка! – Слезы облегчения заструились по щекам моей пациентки. – Но откуда ты появилась? Ах, неужели... – Она прикусила губу, не осмеливаясь озвучить пришедшую на ум догадку. – Так, значит, ты и есть та самая Наследница, которую все мы ждали так долго?..

– Об этом мы тоже поговорим позже, – вздохнула я, требовательно сжимая ее руку. – А теперь приготовьтесь... – И я мысленно слилась с сознанием роженицы, принимая на себя терзающую ее муку.

Сначала перед моим ментальным взором предстала удивительная картина. Я узрела покой замка, отстроенного с невероятным, поистине нечеловеческим размахом...

Потолок комнаты шатром сходится в необозримой вышине, и там, под стрехой и на стропилах, висят пучки полевых трав. Густой теплый запах лета идет оттуда волной, раскачивая широченную, повернутую к стене изголовьем кровать, где можно сладко дремать, теряя и снова находя себя. От окна с опущенными шторами из деревянных реек по стенам расползаются причудливо изогнутые радужные полосы. Пахнет чем-то нестерпимо вкусным, и этот запах перебивает даже сладкий аромат восковых свечей и мускусных духов. А на кровати лежат двое, мужчина и женщина, слитые в экстазе плотской любви. В женщине я сразу узнаю свою пациентку. Мужчина поворачивает голову, и мне становятся видны его сиреневые глаза и черные длинные локоны. Ах, это же мои глаза, мои волосы... И я понимаю, что случайно стала свидетельницей зачатия того самого ребенка, рождению коего помогаю сейчас... Но картинка исчезает так же внезапно, как и появилась, а все мое тело будто окатывает кипятком, швыряя в круговорот неистового, всепоглощающего страдания.

Невиданная боль... Она стала огненной пучиной, погружающей в безвременье; пламенем, где растворяются кости, сердце, мозг, разум... Черные шарики трусости и сомнений, из которых состоит низменная часть моего существа, барахтаются в кипящей лаве,

тянут темные отростки через оранжевое зарево самопожертвования. Хватит! Прикажи себе остановиться, ибо терпеть такое невозможно! Я вижу, как черные шарики сбиваются в клубки, растягиваются лентой, и эти нити накрывают, отдаляют от меня пламя целеустремленности. Они выстраиваются во что-то мерзкое и отделяют меня от спасаемой женщины... Цепь. Решетка. Стена. Скорее! Красно-оранжевое зарево жизни притухло, гаснет совсем. Это смерть, наползающая на меня с неотвратимостью лавины, и я принимаю ее со смирением, ведь головка ребенка уже показалась между ног роженицы, устремляясь вперед, к жизни и свету... И тут из черного выплескивается нечто зеленое, словно весенняя трава. Мою боль обволакивают поющие струны надежды. Не касаться, только не касаться черноты! Темная пустота – это больше не я. Я вовне, это мой юный голос, это голос Ардена поет вокруг меня о любви, прекрасной и бессмертной. Черная дыра втягивает зеленый мир, но это уже неважно: в ней рождаются иные цвета...

И вдруг точно хлопок, и вселенные снова меняются местами, выбрасывая меня на пол шалаша. Боль ушла, испарилась, будто ее и не было. На руках у меня заливается первым победным криком прехорошенький, здоровенький мальчик, а я смеюсь и рыдаю одновременно, прижимая к своей груди его крепкое тельце. Понимаю, что и на сей раз успешно справилась с подкравшейся бедой, а смерть снова отступила, не выдержав победоносного напора жизни!

Роженица устало вздохнула и откинулась на травяную подстилку, предоставив мне приятную возможность поухаживать за ее сынишкой. Стараясь не обращать внимания на дрожь и слабость в руках, я распотрошила найденную в шалаше сумку и обнаружила в ней приданое для новорожденного ребенка, пришедшееся очень кстати. Малыш невозмутимо посасывал собственный пальчик, наблюдая за мной ярко-сиреневыми глазенками. На его круглой, словно наливное яблочко, головке вились длинные, черные, как смоль, волосики. Почти не соображая, что делаю, будто по наитию, я приложила к его лобикую свою хрустальную звезду и прошептала:

– Милостью покровительствующего мне бога Шарро я, Йохана, Наследница трех кланов, нарекаю тебя Арциссом Вторым!

Его мать удивленно вскрикнула, но не осмелилась протестовать, взирая на меня с благоговейным испугом.

Я запеленала малыша Арцисса в мягкое полотно и обвязала найденным в сумке свивальником. Мальчик сердито кряхтел, приобщаясь к реалиям нашей непростой жизни. Неожиданно снаружи донесся шум, образованный из торопливой мужской перебранки, конского ржания и мелодичного бряцания воинской амуниции. Я снова прикрыла голову капюшоном плаща и, прижимая к себе новорожденного, поднялась, раздвинула ветвистый полог шалаша и вышла на поляну, щурясь от лучей Сола.

Приставив ко лбу сложенную козырьком ладонь, я пытливо всматривалась в гарцующих передо мной всадников, восседающих на высоких, тонконогих скакунах. Рельефные торсы мужественных воинов облекали серебряные кольчуги филигранной работы, а их спины прикрывали какие-то черные складки, изначально принятые мной за откинутые плащи. Лишь приглядевшись повнимательнее, я поняла, что это крылья! Мощные и черные, как покров ночи. Самые настоящие крылья! Итак, невозможное стало возможным, вмиг обретя форму и плоть. Передо мной предстали крылатые эльфы Полночного клана, некогда изгнанные из Блентайра! Трудно передать словами, какой шквал из противоречивых эмоций бушевал сейчас в моей душе. В нем смешалось все: восторг, недоверие, испуг... Я потяну молчала, не в силах вымолвить ни слова. Маленький крикливый мальчишка, только что испытывший первую в жизни крупную неприятность, сердито ворочался у меня на руках, пытаюсь выкрутиться из меховых пеленок. Его обнаженная головка щекотала мне ладонь, которой я пыталась прикрыть малыша от палящих лучей Сола. Расплавленное золото жар-

кого полудня лилось с небес, очерчивая мою фигуру четким ореолом. Наверное, вот такая, с нимбом во весь рост и с ребенком на руках, я кого-то напостила прибывшим на поляну мужчинам. Они дружно прыгнули с коней и опустились на одно колено, склонив гордые головы. На волосах того, кто возглавлял пышную кавалькаду, я увидела тонкую золотую диадему и мгновенно поняла – передо мной находится сам король.

– Ваш сын, сир! – Я почтительно протянула королю младенца, испытывая чувство забавной неловкости за мокрые пеленки своего подопечного.

Мужчина с диадемой вздрогнул всем телом и поднял на меня глаза, восхищенно расширенные и бездонно-сиреневые. Да, вне всякого сомнения, это его я видела в своем странном сне.

– Спасибо вам, вечные небеса, у меня есть сын! – Король вихрем поднялся с колена, выхватил у меня малыша, расцеловал его личико и радостно закружился по поляне. – Теперь наш род не прервется, род Эвриелиев продолжится! – счастливо восклицал он, поднося малютку сопровождающим его дворянам, торжественно салютовавшим новорожденному принцу обнаженными клинками. – Мы должны как можно скорее доставить моего сына в Дархэм, в ее храм! – Он голосом выделил «ее».

Внезапно король остановился, словно опомнившись, и повернулся ко мне. Его прекрасное лицо приобрело отчужденное выражение.

– Кто ты такая и как осмелилась ты, девушка, вторгнуться в наши владения? – с угрозой спросил он, передавая младенца стоящему за ним юноше-оруженосцу, а клинки его свиты немедленно обратились в мою сторону.

Но я не спешила с ответом, любясь статным обликом короля, в существование которого верила все безрадостные годы сурового детства. Да, меня называли безродной сиротой, то какой-то частицей души я не переставала надеяться на возможность этой встречи, состоявшейся ныне, на поляне, скрытой за отрогами Белых гор. И тогда, сама не зная почему, я неожиданно запела старинную балладу, некогда услышанную на площади Блентайра. Что уж хвастаться – певицей я всегда была никакой, но, думаю, сами Неназываемые вложили сегодня в мой слабый голос эти проникновенные интонации, призванные достучаться до сердца венценосного мужчины, растерянно замершего напротив меня.

Так не ропщи в плену оков,
Себя судьбе своей вручи,
Мы много взяли у богов,
От счастья выбросив ключи...

Я замолчала, закончив последний куплет.

Лик короля, искаженный от невыплаканной, не имеющей выхода муки, омылся чистыми слезами раскаяния, принесшими ему успокоение. Он пошатнулся и, дабы не упасть, тяжело оперся на мое плечо.

– Где ты слышала эту песню, девочка? – горестным шепотом осведомился он. – Наши законы суровы и предписывают казнить каждого незнакомца, пришедшего с той стороны Белых гор, ибо такой пришелец может быть только шпионом и лазутчиком, посланным чародеями Блентайра. Но если ты поведаешь, откуда знаешь эту песню, то обещаю, что дарованная тебе смерть станет быстрой и безболезненной!

– С чем же таким значительным связана эта песня? – вопросом на вопрос ответила я, снедаемая волнением, сходным с теми эмоциями, что обуревали того, чье прикосновение буквально до кости прожигало мое плечо. Ведь я уже догадалась, кем именно доводится мне этот величественный мужчина...

– Ты бередишь старые раны, которые я ошибочно считал почти затянувшимися! – скорбно улыбнулся король. – Но разве пристало мне таиться от приговоренной к казни девочки? – Он сердито ругнулся, недобрый словом поминая Тьму, и заговорил: – Около восемнадцати лет тому назад, повинуюсь непреодолимому зову души, я покинул наш тайный край и отправился в сторону Блентайра, дабы посетить осеннюю ярмарку. Подробности того путешествия сохраняются в моей памяти до самой смерти! – Король положил руку на грудь и глубоко вздохнул, предаваясь дорогим воспоминаниям. – Но меня покорили отнюдь не увиденные забавы и торговые ряды, не лакомства и танцы, а встреченная на ярмарке девушка – человек по происхождению, но эльф по чистоте и благородству. Наверное, нас с Аньерд свела судьба, ибо с самого первого взгляда я влюбился в нее, а она – в меня!

Я судорожно проглотила застрявший в горле комок, понимая, что король рассказывает о моей матери, которую мне так и не довелось увидеть.

– Мы, эльфы, любим не так, как люди, – продолжал король изливать душу. – Мы влюбляемся лишь однажды, раз и навсегда. И никакие испытания, даже гибель одного из влюбленных, не может освободить нас от этого чувства, потому что наша любовь вечна и умирает только вместе с нами! – торжественно признался он, всецело подтвердив мои наихудшие опасения.

Да, теперь я понимала, что все обстоит именно так. Бессмертная любовь связывала Эврилику и ее трагически погибшего жениха, короля Арцисса. Роковая любовь соединила также и моих родителей, обрекая их на муку... И вот теперь точно такая же непобедимая страсть влекла меня к Ардену, отказаться от которой я не смогу уже никогда.

– Увы, – шепотом рассказывал король, адресуя свою исповедь только мне одной, – я должен был вернуться домой. В соответствии с обычаями, дабы продолжить род Эврилиев, задолго до встречи с Аньерд я женился на девушке из знатной семьи. А Аньерд была человеком, и поэтому я не имел возможности узаконить наши отношения. Ведь люди – наши злейшие враги. Аньерд подарила мне три волшебные ночи, а затем мы расстались, клятвенно пообещав друг другу сохранить в тайне нашу встречу. С тех пор я ничего не слышал о моей дорогой Аньерд!.. Но перед разлукой я сочинил для нее песню, ту самую, которую ты, чужеземка, спела мне сейчас.

Я безрадостно усмехнулась, поймав себя на мысли, что совершенно случайно исполнила данное себе обещание: раскрыла загадку трагической судьбы своей матери и расшифровала скрытый смысл однажды услышанной песни, как я и предполагала, связанную с моим прошлым и будущим. А возможно, все это произошло неслучайно.

– Я знаю, какая участь постигла Аньерд после вашего расставания, – спокойно известила я.

– Так расскажи! – потребовал король, немилосердно трясая меня за плечо. – И тогда ты сможешь просить у меня чего пожелаешь: золото, алмазы, дворцы! – Похоже, он уже позабыл об уготованной для меня казни. – Клянусь, я не пожалею ничего, только бы узнать о судьбе моей любимой!

– Аньерд оказалась не обычной девушкой из простонародья – с беспощадной прямолинейностью сообщила я. – Она носила титул принцессы Блентайра и приходилась сводной сестрой самому королю Вильяму!

– Так, значит, она прямой потомок Джоэла Гордого! – потрясенно ахнул король. – Потомок нашего злейшего врага...

– Но ведь вы, наверное, тоже не открыли ей тайну своего происхождения? – предположила я, ничуть не сомневаясь в справедливости своего утверждения.

– Да, – виновато кивнул король. – Я не осмелился раскрыть Аньерд свое инкогнито. Для нее я так и остался бедным эльфийским бардом, тайно прибывшим на ярмарку. Меня тоже обременяло страшное наследие моих предков...

– Разве дети ответственны за грехи своих родителей? – искренне удивилась я. – Разве они должны быть наказаны за ошибки отцов и матерей?

– К сожалению, в нашем мире все обстоит именно так, – горько вздохнул король. – Но умоляю, продолжи свой рассказ!

Все кусочки разрозненной головоломки, что так долго не давала мне покоя, встали на свои места, а поэтому я заговорила, уверенная в правильности своей версии:

– Ваша встреча не прошла бесследно. Вернувшись домой, принцесса Аньерд поняла, что зачала ребенка, но, верная клятве, так и не открыла родственникам имя отца своего ребенка. Измученная нападениями своей семьи, несчастная женщина родила дочку – недоношенного уродца, горбатого, болезненного и безобразного. Не сумев оправиться от родильной горячки, принцесса Аньерд скончалась, оставив сиротой свою незаконнорожденную дочку!

– О-о, – слабо простонал король, пряча в ладони заплаканное лицо, – если бы я только знал об этом... Я бы голыми руками разломал разделяющие нас горы, повернул вспять реки и нашел своего ребенка. Дочка, где бы ты ни находилась сейчас, умоляю – прости своего несчастного отца!

Мое сердце разрывалось от сострадания к нему, но я поборола эмоции и продолжила с деланой невозмутимостью:

– Кларисса, королева и глава гильдии Чародеев, решила известить новорожденного бастарда, позорившего честь королевской семьи. Но милостью бога Шарро девочка избежала смерти и попала в сиротский приют, где и воспитывалась. Впоследствии...

– Опять чародеи! – возмущенно перебил меня король. – А ведь это они стали причиной гибели короля Арцисса и изгнали эльфов из Блентайра. Но откуда ты, девочка, знаешь так много о происках коварных чародеев? – вкрадчивым голосом осведомился он.

Я вдохнула побольше воздуха, набираясь смелости, рванула завязки своего плаща, открывая Звезду моей души, спрятанную на груди, и отважно провозгласила:

– Потому что я и сама чародейка!

И тут же десять острозаточенных клинков уткнулись мне в грудь, не давая пошевелиться.

– Чародейка! Враг! Смерть ей! – обличающе выкрикнул король, пальцем указывая на меня. – Убейте ее немедленно!

Я печально усмехнулась, ничуть не удивляясь этим словам. Трудно сосчитать, сколько раз я слышала этот жестокий призыв. Это мой дар и моя ноша. Тьма, ну почему все так хотят меня убить?! Кончики эльфийских мечей уже проткнули мою одежду, впиваясь в кожу, а я даже глазом не моргнула, продолжая оставаться абсолютно невозмутимой. А что еще, спрашивается, оставалось делать, если пройденные испытания научили меня главному правилу: улыбайся всегда и везде! Улыбайся назло всем и наперекор всему! Улыбайся так, чтобы все видели: у тебя на лице остался след от поцелуя фортуны, а отнюдь не от ее колеса!

– Остановитесь! – Требовательный оклик, донесшийся слева, нарушил гнетущую тишину. Я повернула голову.

К нам торопливо приближались еще двое всадников. Один из вновь прибывших властно вытянул руку, призывая воинов к повиновению. Приставленные ко мне клинки немедленно опустились.

– Но, учитель, как же так!.. – возмутился король, гневно сжимая кулаки. – Ты сам постоянно напоминаешь о том, что каждый человеческий чародей является нашим врагом!

– Напоминаю, – покладисто согласился названный учителем мужчина, ловко спрыгивая на землю. Он был худощав, длинные каштановые волосы, обильно присыпанные сединой, серебрились на свету. Я с растущим удивлением рассматривала его синий, расшитый звездами плащ, красноречиво свидетельствующий о выбранной стезе: этот эльф был магом.

Лицо чародея, старое и молодое одновременно, хранило печать затаенной силы, подчиненной и любовно взлелеянной. Да, уж этого мага точно не назовешь «диким»!

Словно угадав мои мысли, чародей ободряюще кивнул мне.

– Каждый, за исключением ее! – лукаво улыбнулся он. – Скажи, дорогая, раз ты пришла в нашу долину, значит, все-таки сумела найти мой знак на стене охотничьего домика?

– Да, учитель! – коротко ответила я, понимая, что речь идет о путеводной руне, оставленной им на нижнем бревне «Приюта странников». – А еще я владею вашей сумкой, жемчужными слезами и последним яйцом, сохраненным для меня принцессой!

– Отлично! – счастливо рассмеялся маг, потирая ладони. – Признаюсь откровенно, ты превзошла все мои ожидания, девочка. Твой отец должен тобой гордиться! – Он подмигнул мне с заговорщицким видом, откровенно забавляясь комичностью создавшейся ситуации. Я ответила понимающей улыбкой, отдавая должное его мальчишескому пристрастию к сценическим эффектам.

– Прекратите это немедленно! – негодуя затопал ногами король, вконец запутавшийся в происходящем. – Я требую объяснений!

– Изволь! – Чародей с наигранным равнодушием пожал плечами. Он щелкнул пальцами, творя самую простейшую волшебную. Повинуясь чарам, мой плащ красиво спланировал на траву, открывая взорам присутствующих мои острые уши и подогнанный по фигуре костюм короля Арцисса, а также стилет и меч, привешенные к поясу.

– Забери меня Тьма! – ругнулся король. – Так она эльфийка?

– Не только! – довольно хохотнул чародей. – Она девушка из пророчества Неназываемых. И пришла в наш край для того, чтобы спасти Лаганахар от надвигающейся гибели.

– Наследница трех кланов! – ахнул прозревший король.

– Не только! – Маг расхохотался еще задорнее. – Она...

Но договорить он не успел. Из шалаша вдруг вылетела изрядно припозднившаяся Мифрил и картинно приземлилась мне на плечо, чуть не придавив меня своим уже довольно солидным весом.

– Белая мантикора! Посланница пресветлого бога Шарро! – воскликнул кто-то с благоговейным трепетом. Все эльфы снова упали на одно колено.

– Так кто же ты на самом деле, девочка? – дрожащим от волнения голосом спросил король, испытующе вглядываясь в мое лицо. – Твои сиреневые глаза, черные локоны... – Кажется, он только теперь увидел то явное внешнее сходство между нами, которое я заметила в первую минуту общения.

– А еще это! – Чародей снова сплел заклинание, и надетый на меня камзол лопнул по спинному шву, выпуская на волю мои крылья, блестящие, как хрусталь, серебристые, трепещущие.

– Ты... Так ты... – охнул король, хватаясь за сердце.

– Она твоя дочь! – со вздохом глубочайшего удовлетворения уточнил чародей, изрядно утомленный его нерешительностью. – Рожденная принцессой Аньерд и наконец-то отыскавшая своего ветреного папочку! – Маг решительно схватил нас за руки, подталкивая друг к другу. – Поцелуйтесь же скорее, бесценные мои!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.